

© *Петербургское библиотечное общество, 2014*

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 120 экз. Зак. № 65

Номер подписан в печать 05.07.2014 г.

***К 300-летию Библиотеки
Российской академии наук***

В.П. Леонов.

Иоганн Даниель Шумахер: между
библиотекой, академией и двором 3

В.С. Соболев.

Из истории строительства здания
Библиотеки и Кунсткамеры
(По документам РГИА)..... 6

И.М. Беляева, Е.А. Тилева.

Сохранение фондов БАН
(к 60-летию Отдела) 9

Н.М. Баженова.

Библиотека академии наук
и учреждения главного штаба
русской армии в первой четверти
XX века15

В.П. Кудрявцева.

Из истории Библиотеки Российской
Академии наук в 1914–1922 гг.22

Из истории Отечества

В.С. Соболев.

«Образец доступного и яркого
изложения...» (Из истории подготовки
академиком Е.В. Тарле монографии
«Крымская война»).....28

Изучаем Восток

Т.И. Виноградова.

Библиографическая и издательская
деятельность Императорской академии
Ханьлинь33

В.В. Донских.

Первопечатная христианская книга
Индии XVI–XVII вв.37

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Ежова М.Ф.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Юдахина О.Г.

Корректор

Томина М.В.

История библиотек

О.М. Федорова.

Морская библиотека

Адмиралтейств-коллегии

(1799–1805).....40

С.И. Зенкевич.

О мемориальном книжном собрании

В.В. Данилевского в фонде научной

библиотеки СПбФ ИИЕТ46

Люди и судьбы

Н.В. Бекжанова, В.Б. Лазуркина,

И.Н. Комарова.

Евгения Георгиевна Сухманева.....50

Моя история

Н.Г. Зенкевич, В.Г.Подковырова.

Мама вспоминает.....56

Новые издания

Н.М. Балацкая.

Памяти Александры Николаевны

Масловой66

Поэтическая страничка

Ю.В.Левченко.

Стихи.....68

ИОГАНН ДАНИЕЛЬ ШУМАХЕР: МЕЖДУ БИБЛИОТЕКОЙ, АКАДЕМИЕЙ И ДВОРОМ

В.П. Леонов

В сентябре 1714 г. по приглашению Пьера Лефорта (1676–1754), племянника Франца Лефорта, в Петербург приехал немец Иоганн Даниель Шумахер (1690–1761)¹, который начинает разбирать книги во флигеле Летнего дворца, где хранилась царская библиотека. Сопратник Петра Роберт Арескин (1675/77–1718) стал для Шумахера одним из тех умов-посредников, так необходимых в начале профессиональной карьеры. Арескин учил его правилам работы с книжным собранием. Находясь в окружении Петра, Шумахер познакомился с нравами и характером царя, что было крайне важно для будущего библиотекаря Его Императорского Величества. Воспитанный на немецком он писал и говорил на своем языке. Таким Шумахер был около 1715 г.

Работу по учреждению Академии наук в Петербурге Петр поручил своему лейб-медику Лаврентию Блюментросту (1692–1755), который с 1718 г. управлял его библиотекой и кунсткамерой. В феврале 1721 г. помощник Блюментроста библиотекарь И.Д. Шумахер был командирован царем за границу *«для сочинения сощизтета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»*². Из поездки Шумахер привез обстоятельный отчет и более 500 книг, главным образом по гуманитарным наукам, чем вызвал недовольство многих академиков.

По возвращении Шумахера в Россию Петр поручил Блюментросту составить проект учреждения Академии художеств и наук. Нет сомнений в том, что это было совместное с Шумахером сотрудничество³. 20 января 1724 г. данный проект был составлен.

В Академии учреждались должности президента и секретаря, назначен-

ных императором, который брал на себя протекторат над Академией. К обязанностям академиков относились: 1) исследовательская работа; 2) ознакомление с иностранной литературой по специальности и составлению экстрактов из нее; 3) посещение еженедельных собраний — с чтением докладов и производством экспериментов; 4) отзывы о всяких «декувертах»; 5) произведение всяких изысканий, которые окажутся нужными царю; 6) чтение курса студентам и напечатание его на латинском языке. Избирались академики общим собранием и утверждались императором. 22 января 1724 г. Петр утвердил проект устава Академии художеств и наук и определил сумму доходов — 24 912 руб. из таможенных и лиценционных сборов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбурга. Самое характерное в проекте — это зависимость Академии от правительства. Академия — учебное учреждение, содействующее распространению знаний, техническому развитию страны и выполняющее любые задания государственной власти *«в таких делах, в которых науки потребны»*.

Президентом Академии был назначен Блюментрост, секретарем и библиотекарем — Шумахер. С тех пор Библиотека навсегда связала свою дальнейшую судьбу и биографию с Академией наук. Первоначальный ее фонд, учтенный и неучтенный в первом печатном каталоге *«Bibliothecae imp. Petropolitanoae»* (P. 1–4. St. Pbg., [1741–1744]), насчитывал около 16 тыс. книг на всех европейских языках, включая русский. Причем в каталоге не были отражены имеющиеся в Библиотеке книги на греческом и славянском языках, кроме русского...

Таковы основные факты начальной биографии Библиотеки и Императорской Санкт-Петербургской Академии наук

(ИАН). Как же сложилась ее дальнейшая жизнь и жизнь тех, от кого зависело ее развитие? Если следовать литературе о БАН и ИАН, то главным действующим лицом, определявшим уровень их компетентности, был И.Д. Шумахер. Трудно найти другую личность в их ранней истории, на долю которой выпала бы такая нелегкая судьба. Современники представляли его «деспотичным эльзасским бюрократором», эгоистичным и властолюбивым немцем.

Очень непросто пробиться сквозь толщу веков и большого количества источников к подлинному Шумахеру и сегодня. Одна из таких успешных попыток была предпринята в 1990 г. профессором Ю.Н. Столяровым. Он написал обстоятельную статью к 300-летию И.Д. Шумахера⁴. Двадцатью годами спустя в газете «Известия» (к 320-летию Шумахера) я опубликовал небольшую заметку под названием «Наш Шумахер»⁵.

В том же 2010 г., но уже в американском журнале «OSIRIS», был напечатан интересный и содержательный очерк «Дело Шумахера: Перестройка академической компетентности на протяжении династий в России восемнадцатого века»⁶. Его автор — Саймон Веррет, профессор исторического факультета Вашингтонского университета в Сиэтле (США). В 2000 г. в Кембриджском университете он защитил диссертацию о Санкт-Петербургской академии наук в XVIII столетии⁷.

Казалось бы, теперь можно ожидать объективной оценки, тем более от непредвзятого автора исследования. Но уже во введении, где формулируется общая концепция работы, читаем: «Данный очерк предполагает, что хотя Шумахер, без сомнения, был мошенником (*a rogue*), его следует признать опытным администратором, умеющим реформировать и перестраивать кадры Академии с целью успешного ее развития как ведомства» (с. 104–105).

В таком окружении И.Д. Шумахер, тем не менее, продолжает заниматься

привлечением специалистов, понимая, что Академии необходим другой путь выживания, на котором она могла бы быть полезной государству. Он приглашает мастеров, ремесленников и специалистов по искусству, рисованию, ищет авторов беллетристики, поэзии, риторики. Их навыками и умением воспользовались для создания гравюр, архитектурных украшений, произведений искусства, музыки и литературы. Это была ответная реакция на изменение ситуации в Академии, ситуация, которая рассматривалась академиками как отклонение от научной цели ведомства.

Развитие Шумахером искусств в Академии привело к конфликту, выразившемуся в подаче жалобы в Сенат. В ней содержались требования о большей независимости от канцелярии Шумахера, о большем выделении средств на научные цели и о сокращении количества ремесленников.

Начало нового недовольства было положено Ж.Н. Делилем, потом М.В. Ломоносовым, советником А.К. Нартовым и др. Снова посыпались жалобы и обвинения. Так в 1742 г. возникло «дело Шумахера», которое окончилось его реабилитацией в декабре 1743 г. Но борьба за власть в Академии не прекратилась. Она надломила Шумахера, он был одинок, не было необходимой поддержки. Неприязненные отношения, сложившиеся между академиками и начальником канцелярии, который, по их мнению, незаконно забрал всю власть, не прекращались в течение почти всего срока пребывания Шумахера в этом учреждении. Он устал, в конференции появлялся редко и почти не принимал участия в дискуссиях.

Академик П.П. Пекарский приводит его письмо ассессору академической канцелярии Григорию Теплову от 11 февраля 1749 г. И.Д. Шумахер пишет: «*Им не я, Шумахер, отвратителен, а мое звание. Они хотят быть господами, в знатных чинах, с огромным жалованьем, без всякой заботы обо всем остальном...*»⁸. Тем не ме-

нее, в одиночестве он продолжал управлять Академией и Библиотекой вплоть до своей отставки.

Из Петербурга он уехал в Ливонское имение, где и умер в нищете спустя два года. Г.Ф. Миллер, уведомляя И.Х. Гебенштрейта о кончине, подчеркнул, что Шумахер долгое время вел только вегетарианский образ жизни.

3 июля 1761 г. Анна-Доротея Шумахер написала письмо в академическую канцелярию: «Муж мой статский советник и Академии наук член Даниил Шумахер сего июля 2 дня волею Божиею умре, а для пристойного по чину погребения тела его имею в деньгах крайнюю надобность»⁹.

Только год спустя, в июле 1762 г. Анне-Доротее был выдан оклад жалования «за долговременную и усердную мужа ее службу, которую оказал он, во-первых, при... Петре Великом в учреждении государственной Библиотеки и Кунсткамеры, потом в правлении дел при Академии наук с самого ее начала и заведением при оной Академии наук разных художеств, которые столь бодрым успехом и знатною казенною прибылью почти все природными русскими производятся»¹⁰.

Такая формулировка заслуг деятельности И.Д. Шумахера, согласимся, была справедлива. Что еще можно добавить к сказанному?

До настоящего времени исследователи не знают, где могила Шумахера. В России не сохранилось ни одного его портрета (я приложил немало усилий в поисках его изображения в архивах и библиотеках не только Петербурга и Москвы, но и во многих городах Европы; к сожалению, поиск не дал результатов). Мы не знаем, как выглядел Шумахер. Остались только письма, документы, протоколы, написанные им самим...

В XVIII в. в Библиотеке работало, по моим подсчетам, десять библиотекарей; среди них на первом месте — И.Д. Шумахер. Он был первый и потому, что с завидной последовательностью исполнял заветы Петра. Он остался верен им, несмотря

на давление и трудности. И не только следовал, но в меру сил и способностей стремился их развивать. Не преувеличивая его заслуг, можно полагать, что среди многих начинаний И.Д. Шумахера Библиотека была в определенном смысле единственной, сумевшей впоследствии в каждом своем действии остаться сама собой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробно о биографии Шумахера Иоганна Даниила (нем. *Schumacher, Johann Daniel*) см. в кн.: *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН. 2000. С. 129–132; *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 16–20.

² Об отчете Шумахера Петру и комментарии к нему см.: *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. С. 130–136.

³ Об участии Шумахера в составлении проекта см.: *Андреев А.И.* Основание Академии наук в Петербурге // *Петр Великий: сб. ст. / под ред. А.И. Андреева.* Т. 1. М.; Л., 1947. С. 313 и прим.

⁴ *Столяров Ю.Н.* Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения) // *Книга. Исследования и материалы.* 1990. Вып. 61. С. 116–130.

⁵ *Леонов В.П.* Наш Шумахер // *Известия.* 2010. 6 сент. (№ 164).

⁶ *Werret S.* The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth Century Russia // *OSIRIS.* 2010. Vol. 25. P. 104–125.

⁷ *Werret S.* An Odd Sort of Exhibition: The St. Petersburg Academy of Sciences in Enlightened Russia: PhD diss. London: Univ. of Cambridge, 2000.

⁸ *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. С. 198.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 63.

**ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА
ЗДАНИЯ БИБЛИОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ
(По документам РГИА)**

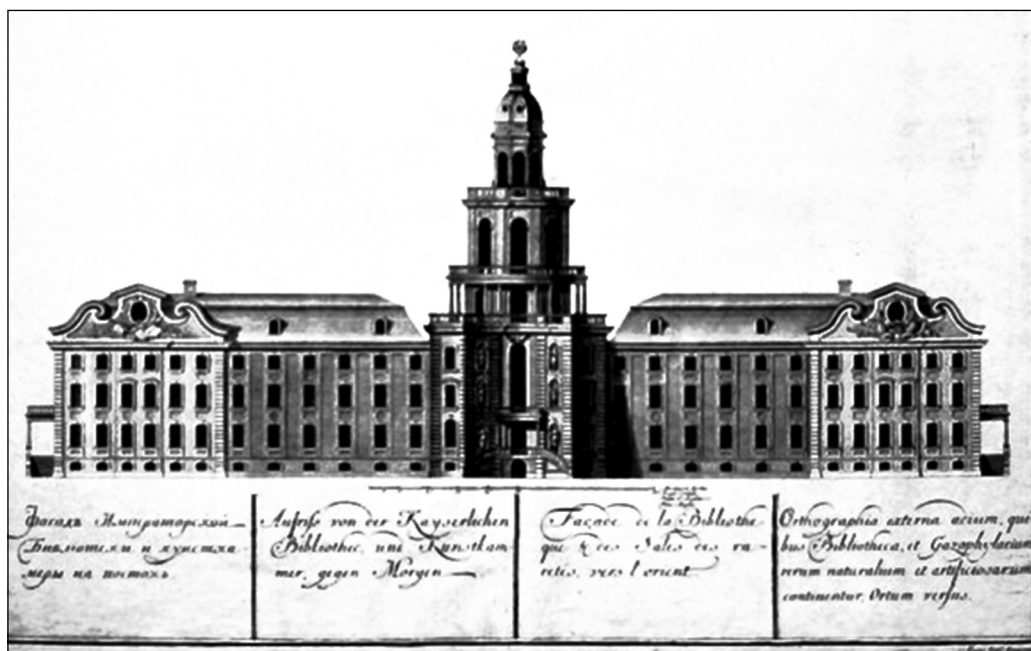
В.С. Соболев

Здание Кунсткамеры является одной из самых замечательных и известных в мире построек Санкт-Петербурга. Строительство этого необычного здания продолжалось более 15 лет (с 1718 по 1734 г.), оно велось поэтапно, за это время сменилось несколько его архитекторов¹. Этот «долгострой» имел серьёзные объективные причины: Россия вела тяжёлую Северную войну; огромных затрат и сил требовали реформы, проводившиеся Петром Великим; подавляющая часть всех доходов государства уходила на содержание армии и флота и др.

По замыслу императора для Кунсткамеры предполагалось построить особое здание, которое бы стало храмом знаний

и редкостей и соответствовало бы уровню науки XVIII века. Известно, что Петр I был недоволен тем, что строительство затягивалось, и вынужден был неоднократно своей властью и волей ускорять этот процесс.

Недавно в фонде «Конторы от строений домов и садов» (Ф. 467) Российского Государственного Исторического Архива нам удалось выявить довольно интересные, на наш взгляд, документы об одном из этапов строительства здания Кунсткамеры. Очередное «ускорение» этот процесс получил после того, как в июле 1723 года Петр I, видимо, со всей серьёзностью спросил у распорядителя работ по зданию полковника

Проект здания Кунсткамеры

Ильи Лутковского, «от чего библиотека и куншткамера не доделываетца каменною и прочею работою?!». В связи с этим 26 июля 1723 года «у строения библиотеки и куншткамеры башню кирпичём делать начали»².

Понятно, что «государева воля» решает многое, но всё-таки, иногда в условиях товарно-денежных отношений, не всё. Уже 6 августа полковник И. Лутковский в своём очередном письме директору «Конторы от строений» полковнику Ульяну Сенявину доложил о том, что «прочие работы за невыдачею денег и материалов против поданных моих в канцелярию от строений писем и ведомостей остановились»³. Вопрос этот был разрешён только после того, как 6 октября 1723 года царём был дан письменный указ «Конторе от строений», где, в частности, указывалось следующее: «на библиотеку и куншткамеру деньги и материалы отпускать, а которых материалов нет, и такие материалы покупать»⁴.

В конце октября 1723 года, в связи с вновь возникшими финансовыми трудностями, строительству опять потребовалась помощь императора. 25 октября он приказал «на расплату каменщикам, и на наём плотников, токарей, столяров, на покупку материалов за умалением казны выдать тысячу рублей из Кабинетных денег»⁵ (говоря современным языком, царь распорядился произвести расчёты со строителями из «Резервного» государственного фонда).

В 1724 году в здании велись внутренние отделочные работы. Так, бригада штукатуров подрядчика Петра Лукьянова сына Лукова вела «штукатурные работы кроме башни по обе стороны, как внутри, так и с лица»⁶. Согласно договору подряда П. Лукьянову было выплачено 2 580 рублей.

Здесь мы посчитали нелишним дать возможность читателю получить лучшее представление о реальной стоимости проводившихся строительных работ. Для этого приведём несколько конкретных

примеров существовавших в то время в Петербурге цен. Так, П.П. Пекарский в своей работе «Петербургская старина» отмечал, что в начале 1720-х годов в близь лежащих лесах водилось много всякой дичи и на рынках была распространена торговля «охотничьими трофеями», в частности, «большой тетерев стоил 8 копеек, а пара куликов — 4–5 копеек»⁷.

Несколько позднее, в июне 1746 года, «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали своим читателям сведения об установленных городскими властями размерах цен на рынках. В частности, «фунт говяжьего свежего мяса стоил 3 копейки без четверти, а фунт баранины доброй — 3,5 копейки»⁸ и т. д.

Архивные документы показывают, что в последующие годы отдельные строительные работы по зданию Куншткамеры продолжались. Так, в сентябре 1725 года, по рапорту архитектора М. Земцова «Конторой от строений» были выделены «для поправки глобусного амбара черепица гладкая, белая известь и другие материалы»⁹. В декабре 1726 года был заключён договор со столяром Семёном Виноградовым в том, чтобы «у слуховых окошек сделать рамы самым добрым мастерством»¹⁰. В июле 1728 года «Конторой от строений» «по доношению архитектора Михаила Земцова было отпущено к достройке куншткамеры и библиотеки на доделку каменной штукатурной работы белой извести пятьдесят бочек»¹¹ и т. д.

В архивном фонде сохранились и довольно интересные конкретные документы об обеспечении работ строительными материалами, особенно о поставках различных видов кирпича. Приведём, для примера, несколько записей за 1727 год. Так, «Июня 28 дня по ярлыку-заруке архитектурного ученика Андреяна Воробьёва принято к строению библиотеки и куншткамеры подрядчика Ермолая Шишмарёва у работника ево Лариона Кононова кирпича железного семь тысяч, ниже железного двадцать семь тысяч, красного двадцать две тысячи кир-

пичей»¹². 7 июля от того же подрядчика было принято «со шербота зсжоного кирпича красного восемь тысяч». 11 августа тем же подрядчиком было поставлено «со шербота зсжоного кирпича железного семь тысяч»¹³ и т. д.

Следует сказать несколько слов о тех марках кирпича, который использовался при строительстве. Они обуславливались технологией изготовления кирпичей, то есть их обжигом (отсюда и его маркировка: «железный», «полужелезный», «красный» и др.). Принятая и употребляемая в начале XVIII века маркировка кирпича ещё долгие десятилетия сохранялась в России. Спустя 120 лет, в 1846 году, императором Николаем I были утверждены «Правила для единообразной и прочной выделки кирпича, долженствующего употребляться как в Санкт-Петербурге, так и в других местах России на казённых и частных заводах». Один из параграфов этих «Правил» гласил следующее: «Кирпич по выжиге получается четырёх видов, то есть железный, полужелезный, красный и алый»¹⁴.

Выше уже упоминалось о том, что в сентябре 1725 года по рапорту архитектора М. Земцова «Конторой от строений» были выделены строительные материалы «для поправки глобусного амбара». Известно, что знаменитый Готторпский глобус, доставленный в Санкт-Петербург в марте 1717 года, первые несколько лет хранился в Слоновьем амбаре на Большой Немецкой улице (позднее — ул. Миллионная). П.П. Пекарский в своём исследовании «Петербургская старина» упоминал о том, что в 1725 году глобус был перевезён к строящемуся зданию Кунсткамеры¹⁵. Он был поднят на третий этаж башни, а позднее над ним возвели своды и достроили четвёртый и пятый этажи для обсерватории. Таким образом, этот памятник оказался внутри здания и судьба его оказалась печальной.

В заключение позволим себе высказать несколько соображений по затронутому вопросу:

– выявленные в РГИА документы о строительстве здания Библиотеки и Кунсткамеры представляют определённый интерес для истории науки;

– эти сведения довольно объективно отражают некоторые особенности первого этапа становления Академии наук;

– подобные материалы имеют особый смысл и значение в связи с 300-летним юбилеем Библиотеки РАН и Музея Антропологии и Этнографии РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анисимов Е.В. Петербург времён Петра Великого. М.; СПб., 2008. С. 317, 321.

² Российский государственный Исторический Архив (далее — РГИА). Ф. 467. Оп. 4. Д. 580. Л.Л. 5, 7.

³ РГИА. Там же. Л.Л. 7–8.

⁴ Там же. Л.Л. 9–10.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 34.

⁷ Пекарский П.П. Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 81. № 6. Отд. 1. С. 318–319.

⁸ Цит. по: Иванов А. История Петербурга в старых объявлениях. М.; СПб., 2008. С. 36–37.

⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 581. Л.Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Д. 580. Л. 47.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² Там же. Д. 170. Л. 14 об.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Демиденко М., Мухин А. Кирпич «воинский» и «кирпичный стиль» в Санкт-Петербурге в XIX в. // Сб. статей. Санкт-Петербург и вооружённые силы. Вып. III / ред. Т.А. Славина. СПб., 1998. С. 190.

¹⁵ Пекарский П.П. Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 82. № 7. Отд. 1. С. 161–162.

СОХРАНЕНИЕ ФОНДОВ БАН

(к 60-летию Отдела)

И.М. Беляева, Е.А. Тилева

Вопросам сохранности фондов в Библиотеке Академии наук на протяжении трех веков ее существования всегда уделялось значительное внимание. Учрежденная в 1714 г. по указу Петра I «для использования и сохранения впредь» первая государственная библиотека — Библиотека Академии наук — с первых дней выполняла свои функции не только по предоставлению читателям своих собраний, но и по обеспечению их сохранности для настоящих и будущих читателей.

Специализированный отдел, в функции которого входило проведение работ по обеспечению сохранности фондов в БАН, был создан в середине XX века. Исследования факторов, влияющих на сохранность документов и оптимизация различных условий сохранности фондов, внедрение современных приемов и технологий консервации и реставрации в БАН не носило поступательного и постепенного характера, как во многих крупных библиотеках и книгохранилищах в России, странах Европы и США; столкновение с экстремальными ситуациями, авариями, катастрофическими событиями, представлявшими непосредственную угрозу для фондов библиотеки, ставили перед специалистами БАН, занимающимися вопросами сохранности, необыкновенно сложные и трудные задачи. Опыт по спасению и сохранению библиотечных фондов, восстановлению поврежденных книг и документов, накопленный специалистами БАН в ходе ликвидации последствий аварийных ситуаций, по всей вероятности, один из самых обширных и глубоких в нашей стране.

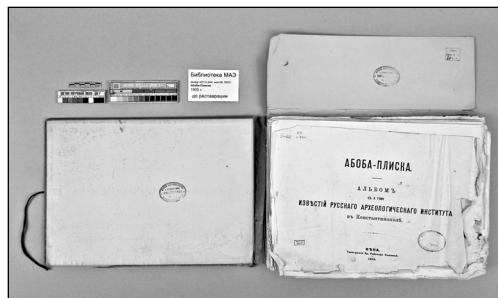
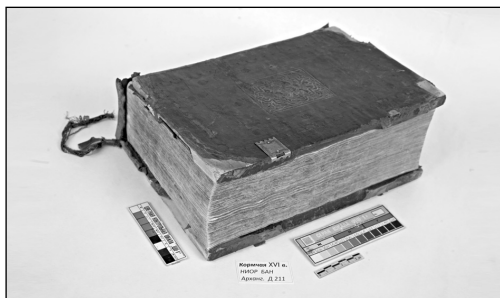
В 2013 г. исполнилось 60 лет со дня основания Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов БАН (НИОКиРФ). Днем рождения отдела можно считать

26 июня 1953 года — в этот день приказом директора БАН № 227 был создан отдел гигиены и реставрации книги (ОГРК). В разное время отдел носил разные названия ОГРК, НИОКД, НИОКиРФ.

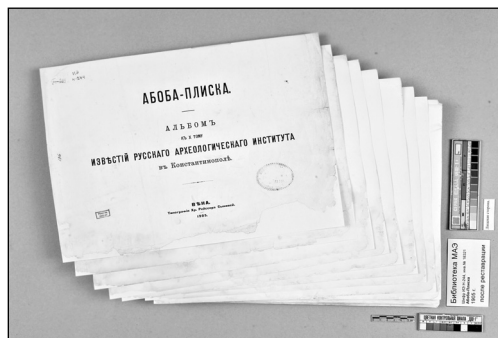
В задачи отдела входила, прежде всего, гигиеническая обработка и дезинфекция поврежденных библиотечных фондов, пострадавших во время Великой Отечественной войны от неблагоприятных воздействий и плохих условий хранения. В штате отдела было 16 дезинфекторов. Поначалу специалисты отдела выполняли несложные реставрационные работы, а с 1960 г. приступили к восстановлению редких рукописных и ценных книг из фондов БАН.

В 1981 г. БАН приобрел статус научно-исследовательского института, и с 1982 г. тема сохранности фондов становится приоритетной в научных и научно-методических исследованиях отдела, в штатном расписании ОГРК появились 3 должности научных сотрудников, которые стали заниматься различными аспектами научнообоснованной реставрации книг. За последующие шесть лет при участии специалистов отдела было подготовлено 3 сборника научных трудов по сохранности фондов (1984 г., 1986 г. и 1988 г.), которые востребованы до сих пор.

Пожар 14–15 февраля 1988 г. в БАН полностью изменил планы работы отдела, все усилия сотрудников ОГРК были направлены на спасение поврежденных огнем и водой фондов Библиотеки. *От огня, воды, пара и влаги пострадали 22 книгохранилища, общей площадью 7005 кв. м (46% площадей). По данным актов документальной проверки (от 9 июня 1994 г.) потери составили 298 961 экз. По подсчетам специалистов от огня и воды пострадало более 3,6 миллионов книг в фондах основного хранения, что составило 44,5%*

До реставрации

После реставрации

его состава. Общее количество книг разной степени влажности составило более 2,5 млн. экз., наибольший ущерб понес Иностраный фонд – т.н. «Фонд Бэра».

Организационная работа по ликвидации последствий пожара в Библиотеке осуществлялась по общему плану Штаба Библиотеки. Основные направления работы определялись при участии специалистов РНБ им. Салтыкова-Щедрина, Государственного Эрмитажа и других учреждений культуры, где имелся опыт борьбы со стихийными бедствиями.

С первых дней специалисты ОГРК включились в спасательные и восстановительные работы по сушке и дезинфекции пострадавших фондов, их реставрации. Они возглавили рабочие бригады по работе с пострадавшими книгами в морозильных и сушильных камерах, их дезинфекции. Однако даже в этих условиях специалисты отдела продолжали методическую работу. Опыт борьбы с пов-

реждениями книг был проанализирован и представлен в сборнике трудов «Проблемы сохранности книжных фондов» (СПб.; 1989 г.).

Для решения проблемы ликвидации последствий пожара и сохранения поврежденных фондов БАН руководством Библиотеки было привлечено профессиональное внимание и помощь иностранных специалистов по консервации и реставрации.

Так, в 1989 г. в БАН была внедрена «Программа превентивной консервации в БАН», куратором которой стал Питер Уотерс – ведущий специалист по сохранности из Библиотеки Конгресса США (Вашингтон).

Идея метода заключается в создании барьера из инертного материала между внешней средой и поврежденным документом. Неблагоприятные воздействия внешней среды (световые, механические, физико-химические) благодаря этому

барьеру не оказывают разрушительного действия на материальную основу документа.

Между документом и внешней средой создается зона стабильных условий, в которых физико-химические изменения материальной основы документа снижаются, и наступает стабилизация. Документ практически в любом состоянии может быть подвергнут фазовой консервации и храниться в микроклиматическом контейнере из инертного материала длительное время. Этот метод является массовым и позволяет в короткий срок стабилизировать состояние большого количества документов, давая возможность специалистам планомерно и взвешенно проводить дальнейшие реставрационные и консервационные работы.

Материалом для создания барьера вокруг документа могут служить специальные виды картона и полимерных материалов с определенными свойствами. Архивный картон, разработанный в США, обладает щелочным резервом, который позволяет нейтрализовать летучие кислые продукты, образующиеся в ходе химических реакций, сопровождающих разрушение природных полимеров (целлюлоза, коллаген, растительные полисахариды), входящих в состав материальной основы документов и катализирующих эти реакции. Таким образом, щелочной резерв способствует замедлению скорости разрушения бумаги в микроклиматическом контейнере.

Благодаря сотрудничеству с Питером Уотерсом передовые мировые технологии в обеспечении сохранности библиотечных фондов были внедрены и в нашей стране, и с 1989 г. фазовая консервация фондов БАН становится одним из приоритетных направлений производственной и научно-исследовательской работы отдела. В 1994 г. в БАН появляется первая в России автоматизированная установка по изготовлению микроклиматических контейнеров из бескислотного картона.

Следует отметить тесное сотрудничество специалистов отдела с другими

подразделениями БАН и научными центрами в первые годы после пожара. Так, наиболее плодотворным было взаимодействие с Научно-исследовательским центром экологической безопасности РАН (директор проф. В.К. Донченко); Программа реставрации книг, пострадавших при пожаре была разработана Д.П. Эрастовым (ЛКРД) и Е.В. Старовой (ОГРК БАН); вопросы профилактики биоповреждений фондов решались с проф., докт. биол. наук Ю.П. Нюкшей. В восстановлении поврежденных огнем и водой изданий принимали участие отечественные и зарубежные реставрационные центры — всего 28 организаций. Отдел же осуществлял координацию этой работы.

Специалисты отдела разработали несколько методик, способствующих восстановлению эксплуатационных свойств поврежденных при пожаре документов, и получили авторские свидетельства: «Способ удаления плесневых грибов с кожаных переплетов старинных книг» № 1751980. Е.С. Хорикова (ЦНИИКП), Л.Г. Левашова (БАН), З.А. Загуляева (ЛКРД); «Состав для очистки и дезодорирования старинных кожаных переплетов книг» № 1649811. Л.Г. Левашова (ЛКРД), Е.В. Старова (БАН).

В 1990 г. при участии специалистов отдела прошел международный семинар «Стихийные бедствия и спасение культурных ценностей» по материалам которого был издан сборник.

Фазовая консервация заключается не только в размещении документа в специальном контейнере или конверте, она представляет собой целый комплекс работ, в исполнении которых участвуют разные специалисты отдела. В их процессе документ проходит физико-химическое и микробиологическое обследование, описание по нескольким десяткам параметров, отражающих его сохранность. По полученным результатам проводятся консервационные мероприятия: гигиеническая обработка, дезинфекция. И только после этого документ размещают в инди-

видуальном микроклиматическом контейнере.

На 1 декабря 2012 г. фазовую консервацию прошли более 54 тысяч книг из Иностранного фонда (более 44 тысяч контейнеров изготовлены на установке в БАН). Ежегодно 2500–3000 книг и документов переводятся в форму фазового хранения.

Потребности практики изменили направленность и специфику работ по практической реставрации и переориентировали химические и технологические исследования в направлении разработки комплекса реставрационных мероприятий, направленных на восстановление эксплуатационных свойств документов, пострадавших от огня и воды. К середине мая 1988 г., через три месяца после катастрофы, сотрудниками БАН совместно с ведущими специалистами в области реставрации из Публичной Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, государственного Эрмитажа, ЛКРД была разработана комплексная долгосрочная программа реставрации книг, пострадавших при пожаре. Эта программа получила одобрение специалистов ЮНЕСКО, ИФЛА, ISA, Библиотеки конгресса (США). Тогда же специалисты разработали карточку-описание физического состояния каждой единицы хранения. Эта идея легла в основу информационной карты, в которой были отражены все важные параметры сохранности документа. В это же время возник замысел о едином банке данных по сохранности, поскольку карточек-описаний и общего массива данных о поврежденных документах, по мнению специалистов, была «немыслима вся последующая работа с огромным массивом пострадавших изданий»¹.

Специалистами БАН были исследованы свойства термодеструктурированной бумаги и динамика процесса термоокислительной деструкции бумаги (Л.Г. Левашова, Е.М. Шепилова, и др.). Совместно с Институтом прикладной химии в течение нескольких лет после пожара была разработана технология ук-

репления деструктурированных изданий без снятия блока и расшивки переплета путем покрытия тонким слоем полимера поли-пара-клилилена из газовой фазы (париленовая технология) (Д.П. Эрастов, Е.В. Старова, Е.С. Чернина, 1999). Для большинства книг, пострадавших при пожаре, согласно разработанной программе планировалось использовать массовые реставрационные технологии, по возможности максимально механизированные; для уникальных изданий, представляющих собой большую историческую и художественную ценность; а также индивидуальную, трудоемкую реставрацию, выполняемую высококвалифицированными специалистами. К настоящему моменту в НИОКИРФ отреставрировано около 800 редких и ценных изданий пострадавших при пожаре.

Опыт специалистов БАН, приобретенный в ходе ликвидации последствий пожара 1988 г., был востребован в полной мере при ликвидации последствий пожара в Главной астрономической обсерватории. В ночь с 4 на 5 февраля 1997 г. в библиотеке ГАО произошло чрезвычайное происшествие — пожар, в результате которого от огня и воды пострадало около 15 000 книг разных лет издания, в том числе и ценнейшая библиотека В.Я. Струве — первого директора Обсерватории. *«Фондом Струве» принято считать отечественные и зарубежные монографии, приобретенные с 1839 г. до начала XX в. Фонд Струве пользуется всемирной известностью не только благодаря блестящему собранию редких астрономических книг XV–XIX вв. но и изданиями по практической астрономии и геодезии. К 1997 г. Фонд Струве насчитывал 5 092 единицы хранения.*

Приказом директора БАН для организации всех работ была создана специальная группа из квалифицированных специалистов БАН, имеющих опыт ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, и определены основные направления действий. Около 7 000 документов были эвакуированы на просушку в здание

Центральной библиотеки. Перед помещением их в сушильную камеру производилась тщательная сортировка и, в первую очередь, отбирались наиболее ценные издания. Книги в пергаменных переплетах, в переплетах на досках и часть в кожаных переплетах просушивались ручным способом.

Были организованы срочная эвакуация поврежденных документов из аварийных хранилищ; хранение увлажненных документов при низкой температуре, препятствующей развитию микроорганизмов; стабилизация сушкой и другие экстренные мероприятия, которые позволили предотвратить возникновение биоповреждений.

Четкая организация работ, позволила быстро произвести просушку фонда и приступить уже с середины марта 1997 г. к реализации программы фазовой консервации фонда Струве. Был тщательно изучен состав фонда, история его формирования, характер повреждений. Все это, в краткие сроки помогло реализовать программу по спасению Фонда Струве.

Накопленный опыт позволил коллективу сотрудников Библиотеки, реализовать проект «Консервация коллекции печатных книг Библиотеки Петра I», который субсидировался Международным фондом «Культурная инициатива» с мая

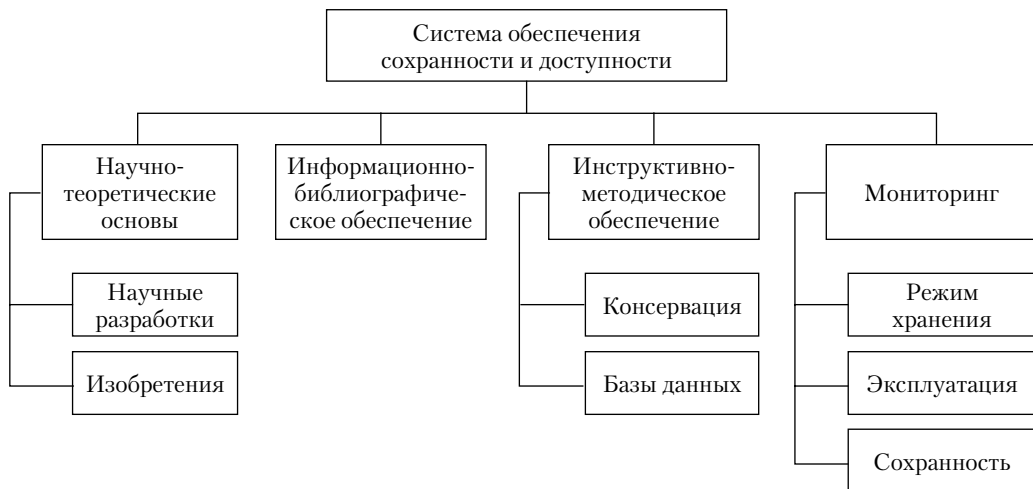
1994 по февраль 1995 г. Одним из активных участников и координаторов этой работы была проф. Ю.П. Нюкша, к тому времени сотрудник отдела НИОКиРФ. Специалистами БАН (Леонов В.П., Беляева И.М., Нюкша Ю.П., Старова Е.В., Левашова Л.Г. и др.) была также разработана «Комплексная система мероприятий по повышению сохранности и улучшению доступности коллекций».

В рамках этой системы книгохранилища рассматриваются как антропогенная экосистем, куда входят:

- здание, помещения, оборудование;
- воздушная среда, внутренняя и внешняя;
- документы, образующие коллекции и фонды;
- живые организмы, поселяющиеся в хранилищах;
- люди, по воле которых создается все перечисленное и осуществляется его эксплуатация.

Основными направлениями исследований отдела на сегодняшний день являются:

- микроклимат книгохранилищ БАН;
- фазовая консервация и фактографические базы данных по сохранности;
- микробиологические исследования книгохранилищ и документов;
- физико-химические исследования документов.

По данной тематике сформулировано четыре темы НИР, которые включены в план НИР БАН.

По теме «Микроклимат» специалисты отдела проводят:

- контроль температурно-влажностного режима;
- база данных «Микроклимат БАН»;
- климатические паспорта;
- использование термогигрометров и логгеров;
- контроль световых нагрузок;
- дают рекомендации по подбору оборудования для контроля и частичного регулирования параметров микроклимата.

Для всех книгохранилищ главного здания оформлены климатические паспорта, которые позволят быстро установить оборудование для контроля микроклимата.

Интенсивно ведется научно-методическая и производственная работа по теме «Фазовая консервация и фактографические базы данных». Разработка и использование фактографических баз данных, отражающих состояние фондов, изначально предлагалось в качестве ядра информационного обеспечения работ по консервации в Библиотеке РАН². Благодаря созданию и обновлению электронных фактографических баз данных предполагалось снизить затраты времени, связанных с планированием работ по консервации.

В Библиотеке РАН были разработаны технология создания фактографического описания библиотечных фондов, разработано программное обеспечение фактографической базы данных для превентивной консервации фонда иностранных рукописей³, и на основе предложенной технологии и разработанного в БАН программного обеспечения в формате Access поддерживается электронная фактографическая база данных «Библиотека Петра I», «Славянский фонд. Библиотека Радзивиллов», находящаяся в разработке фактографические БД по коллекциям из других фондов БАН и библиотек сети – ОИАН, СПБНИИ, ОФО.

С помощью БД специалисты проводят:

- регистрацию описания состояния документов в конкретный момент времени;

- анализ состава и физического состояния фонда (или его части);
- определение объема, приоритетности и очередности консервационных и реставрационных мероприятий;
- задание перечня необходимых мероприятий по консервации;
- фиксацию данных о выполнении этих мероприятий (с указанием исполнителей, дат, инструкций и методик работы);
- мониторинг состояния коллекции в процессе хранения, после выполнения обработок, консервационных мероприятий;

- определение интегральных количественных и качественных характеристик по каждому параметру для всей коллекции;

- обобщение имеющихся данных (на основе созданного экспертного модуля статистического анализа);

- разработку рекомендаций по общей стратегии сохранения фонда (коллекции).

Микробиологические исследования в НИОКИРФ в настоящее время проводятся по трем направлениям:

- изучение микобиоты БАН;
- рациональное использование биоцидов для защиты книг от биоповреждений;
- применение в превентивных целях средств так называемой барьерной защиты.

В зависимости от внешних условий состав микобиоты БАН меняется, и специалисты НИОКИРФ наблюдают за этими изменениями. Проводится оценка микробной обсемененности воздушной среды и помещений книгохранилищ. В настоящее время в НИОКИРФ поддерживается музей культур микроскопических грибов – контаминантов библиотечных фондов (150 штаммов). Ведется подбор биоцидов для дезинфекции документов.

В настоящее время в отделе ведутся исследования по разработке новых видов реставрационных бумаг и исследования жировых и масляных загрязнений бумаги и разработка методов их удаления.

Современные научные исследования в области консервации сосредоточены на:

– совершенствовании методов изучения материальной основы документов (в настоящее время широко используются достижения аналитической и физической химии, спектроскопия, компьютерная томография);

– разработке новых технологий для более эффективной консервации документов;

– изучении закономерностей старения материальной основы документов и поиск новых реставрационных материалов;

– защите материальной основы документов от повреждающих факторов биологического происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эростов Д.П., Старова Е.В., Чернина Е.С. Опыт БАН по ликвидации последствий пожара. 1999.

² Азарова И.В., Гладкий А.И., Евстафьева Р.И., Захаров В.П., Левашова Л.Г., Нюкша Ю.П., Питулько Г.И., Скворцова О.В., Старова Е.В. Фактографическая база данных при консервации библиотечных фондов // Материалы Международной научно-практической конференции «Будущее прошлого: расширение доступа и сохранность коллекций», Санкт-Петербург, 20–22 сент., 2000 г. СПб., 2000. С. 108–114.

³ Азарова, И.В., Беляева И.М., Гладкий А.И. и др. Сохранение фонда иностранных рукописей Библиотеки РАН: фактографическое описание и информационная карта // Петерб. библиотечная школа. 2001. № 1. С. 68–80.

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК И УЧРЕЖДЕНИЯ ГЛАВНОГО ШТАБА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Н.М. Баженова

В первой четверти XX века отношения Библиотеки Академии наук (БАН) и учреждений, подведомственных Главному Штабу Русской армии, развивались активно и плодотворно. Изучение протоколов¹ заседаний Общего Собрания Академии наук, которое в то время непосредственно руководило деятельностью БАН и всех других академических учреждений, позволяет утверждать, что научные контакты Главного Штаба и Академии наук были постоянными и регулярными.

Изученный период по характеру отношений военных учреждений с Академией наук распадается на 2 части: 1900–1916 г. и 1917–1925 г. Дореволюционную часть взаимоотношений Академии наук с военными учреждениями можно охарактери-

зовать как регулярное научное сотрудничество, которое распространялось на различные виды научной деятельности. Период с 1917 г. несколько меняет характер взаимоотношений Академии наук и возникших после революции новых военных учреждений.

Отличается и частота контактов Академии наук и военных учреждений. Если в дореволюционные годы таких контактов было более полусотни (в среднем по 3 упоминания в год), то с 1917 по 1925 г. их всего восемь (если распределить по всем годам, то в среднем по одному в год). Конечно, можно отнести уменьшение количества случаев упоминания отношений с военными учреждениями за счет неопытности новой власти в области нала-

живания научных контактов с Академией наук. Однако для окончательного вывода следует проанализировать протоколы заседаний Общего Собрания.

Говоря о характере отношений между Академией наук и Главным Штабом Русской армии, следует, в первую очередь, отметить книгообмен, существовавший между этими учреждениями.

В протоколах Общего Собрания за 1900–1916 г. постоянно встречаются упоминания о получении книг, изданных Главным Штабом и присланных в Академию, причем посылки осуществлялись как самим Главным Штабом, так и подчиненными ему учреждениями и их чинами. Количество экземпляров разное — 1 раз было послано два экземпляра, в остальных случаях — по одному.

Например, в 1904 г. Главный Штаб препроводил в Академию (отношение № 1449 от 26 августа) по 2 экземпляра следующих изданий Военно-статистического отдела: «Наставление для укладки и нагрузки выючного и колесного обоза японских войск», «Атлас чертежей материальной части выючного обоза и предметов конского снаряжения, принятых в японских войсках», «Проект наставления для постройки мостов японскими войсками», «Проект наставления для наводки понтонных мостов японскими войсками»².

Возможно, посылка двух экземпляров была случайностью, возможно, на уменьшение посылаемых экземпляров в дальнейшем влияло осложнение внешней и внутренней обстановки в Российской Империи, которая, как мы знаем, в первой четверти XX в. была очень непростой.

Трудно ограничивать посылки учреждений Главного Штаба рамками обязательного экземпляра, который получала Библиотека Академии наук. Такой вывод можно сделать из того, что:

1) на заседаниях Общего Собрания никогда не докладывалось об изданиях, пришедших в Библиотеку по обязательному экземпляру;

2) обсуждались лишь случаи, когда цензурные комитеты задерживали присылку изданий или в силу разных причин в обязательном экземпляре образовывались лакуны;

3) издания по обязательному экземпляру шли в Библиотеку только через цензурные комитеты, а не напрямую из издательств или издающих учреждений;

4) получение обязательного экземпляра Библиотекой осуществлялось, минуя Общее Собрание и Канцелярию Академии наук.

Факты способа получения и презентации изданий Главного Штаба в Общем Собрании наряду с изданиями, получаемыми Академией по обмену или в дар из зарубежных и отечественных научных учреждений, говорят о том, что они явно выделялись из общего числа приходивших публикаций и не смешивались с обязательным экземпляром.

В пользу того, что в случае изданий Главного Штаба мы имеем дело с особой отношениями между ним и Академией наук, говорит и то обстоятельство, что практически всякий раз, когда происходит представление военных изданий Общему Собранию, имеет место подробное перечисление полученных публикаций. Для примера возьмем протоколы Общего Собрания за 1905 год:

– в протоколе № 3 записано, что Главный Штаб препроводил в Академию следующие издания Военно-статистического отдела: 1) «Современное состояние китайских вооруженных сил в Печили» (секретно), 2) «Военный обзор Северной Кореи», 3) «Формы обмундирования японских сухопутных войск», 4) «Переводчик с русского языка на китайский», 5) «Японский переводчик», 6) «Военный обзор Гиринской провинции»³;

– в протоколе № 9 перечислены следующие поступившие издания: 1) «Японский пехотный строевой устав», 2) «Пособие при разведках в Маньчжурии», 3) «Некоторые сведения о японских войсках», 4) «Японский переводчик», 5) «Переводчик с русского языка на ки-

тайский», 6) «Формы обмундирования японских сухопутных войск»⁴;

– в протоколе № 13 значится первый том Каталога Военно-Ученого Архива⁵.

Степень подробности описания изданий для Общего Собрания была разной. Большею частью издания описывались почти с библиографической точностью, например: 78-й выпуск «Сборника материалов по Азии». 1905⁶. Однако иногда описание было схематичным, например: «сборники новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств: 1) Германии, 2) Австро-Венгрии, 3) Британской Империи, 4) Швеции и Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Италии и Франции»⁷.

Отнести колебания в степени подробности описания изданий, представляемых Общему Собранию, только к военным изданиям мы не можем, по кольку в протоколах того времени даже списки изданий выглядят порой непривычным для современного библиографа образом, и для того, чтобы по ним найти конкретное издание, нужно провести значительную разыскную работу. Пример: «Академики Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов довели до сведения Собрания просьбу профессора Императорского Новороссийского Университета Александра Александровича Томсона о выдаче ему: 1) Санскритского Словаря Бетлинга и Рота (большое издание), 2) Санскритского Словаря Бетлинга (малое издание)»⁸.

Детальное представление изданий, поступавших в Академию наук из учреждений Главного Штаба, уравнивает их значимость для Академии с изданиями, поступавшими от различных научных зарубежных и отечественных учреждений на правах даров или в порядке книгообмена.

Общее Собрание, заслушав представление Непременного секретаря Академии наук о полученных из Главного Штаба изданиях, решало, в какое отделение БАН их направить. И в зависимости от того, на каких языках было издание, оно направлялось либо в Первое (Русское) отделение БАН (подавляющее большин-

ство изданий), либо (редко) во Второе (Иностранное) Отделение. Иногда, если издание касалось специальных вопросов изучения Востока, издания направлялись в Азиатский музей Академии наук⁹.

Среди учреждений Главного Штаба, с которыми у Академии наук были тесные обменные отношения, в протоколах Общего Собрания упоминаются:

- Главный Штаб,
- Военно-топографическое управление Главного Штаба,
- Московское отделение Общего архива Главного Штаба,
- Главное управление Генерального Штаба,
- Военно-статистический отдел Главного управления Генерального Штаба,
- Военно-историческая комиссия Главного управления Генерального Штаба,
- Военно-ученый архив Главного управления Генерального Штаба,
- Географическое отделение Главного управления Генерального Штаба в Белграде,
- Управление генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба,
- Часть 3-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба,
- Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба.

Данные организации постоянно упоминаются в связи с присылкой в Академию наук своих изданий.

В протоколах имеются также упоминания о военных учреждениях, которые обращались в Академию, не подчеркивая свою подчиненность Главному Штабу:

- Николаевская военная академия Генерального Штаба,
- Интендантский курс при Николаевской военной академии Генерального Штаба.

Подчиненность этих учреждений Главному Штабу выявляется лишь при исследовании вопроса.

Военных учреждений, отношения которых с Главным Штабом нами пока не установлены и которые поддерживали с Академией наук научные связи, было гораздо больше:

- Военное министерство,
- Канцелярия Военного министерства,
- Управление триангуляции Западного пограничного пространства,
- Николаевская инженерная академия,
- лейб-гвардии Измайловский полк,
- 145 пехотный Новочеркасский Императора Александра III полк,
- Главное управление Казачьих Войск,
- штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи,
- 1-й Донской казачий полк,
- лейб-гвардии казачий Его Величества полк,
- Штаб Иркутского военного округа.

Интересно, что были и индивидуальные обращения кадровых военных:

- главный интендант Военного Министерства генерал-лейтенант Николай Николаевич Тевяшев,
- состоявший в распоряжении начальника Главного Штаба подполковник барон Николай Андреевич Корф,
- полковник Александр Владимирович Жиркевич,
- начальник Николаевской академии Генерального Штаба, генерал-лейтенант Владимир Гаврилович Глазов (будущий министр народного просвещения),
- начальник Управления триангуляции Западного пограничного пространства, генерал-лейтенант Эдуард Аврелианович Коверский,
- член Туркестанского отдела Императорского географического общества подполковник Дмитрий Николаевич Логофет,
- экстраординарный профессор Николаевской инженерной академии военный инженер полковник Александр Александрович Саткевич,

– командир лейб-гвардии Измайловского полка,

- поручик 145-го пехотного Новочеркасского Императора Александра III полка Всеволод Владимирович Скородумов,
- председатель Императорского русского военно-исторического общества,
- главный редактор «Исторических очерков столетия Военного министерства» генерал от кавалерии Д.А. Скалон,
- начальник штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи,
- полковник Иван Давыдович Орлов (Москва, Ходынское поле, казармы 1-го Донского казачьего полка),
- командир лейб-гвардии казачьего Его Величества полка,
- окружной генерал-квартирмейстер Штаба Иркутского военного округа.

Подробности многих фактов еще предстоит установить, но уже сейчас понятно, что каждый из вышеперечисленных случаев обращения военных учреждений и кадровых военных в Академию наук содержит очень интересную информацию о научной работе в военных учреждениях и отдельных военных и активном обмене результатами этой работы с Академией наук. Несколько примеров:

1901 г.:

- состоящий в распоряжении начальника Главного Штаба подполковник барон Николай Андреевич Корф представил в Академию печатный экземпляр, изданный под его редакцией трудов осенней экспедиции 1898 года в северную Корею, а именно: «Сборник маршрутов» и «Маршрутные съемки» (книги поступили в I Отделение БАН);
- полковник Александр Владимирович Жиркевич (военный юрист, коллекционер живописи, графики, старопечатных книг, предметов историко-литературного значения) представил в дар Академии следующие рукописи из своего собрания рукописей: 1) Географическо-статистическое описание Иркутской губернии. Ч. 1: О губернии вообще. 1819. 240 с.; 2) О городах Иркутской губернии

с их уездами. Ч. 2. 509 с.; 3) «Летопись смиренного Дмитрия, архиерея Ростовского», 4) «Дело» в копиях о трактате, заключенном в 1728 г. между Россией и Китаем, а также о караванах 1727, 1728, 1736, 1737 гг. (Рукописи достались Жиркевичу от потомков генерал-майора Ивана Богдановича Цейдлера, который в начале XIX в. был Иркутским гражданским губернатором; направлены в Рукописный отдел I Отделения БАН).

1903 г.:

– начальник Управления триангуляции Западного пограничного пространства генерал-лейтенант Эдуард Аврелианович Коверский (член Военно-ученого комитета Главного Штаба, с 1904 г. начальник топографической съемки Санкт-Петербургской губернии и Финляндии) принес в дар Академии составленную им карту Российской Империи (поступила в I Отделение БАН).

1904 г.:

– Канцелярия Военного министерства передала Академии экземпляр всеподданнейшего отчета Министерства за 1902 г. (поступил в I Отделение БАН).

1905 г.:

– Военно-топографическое управление Главного Штаба препроводило в Академию 144 листа 10-ти-верстной специальной карты Европейской России и 1 лист сборной таблицы (переданы в I Отделение БАН);

– Главное управление Генерального Штаба препроводило в Академию т. 1 Каталога Военно-ученого архива (передан в I Отделение БАН).

1906 г.:

– Главное управление Генерального Штаба препроводило в Академию сборники новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств: 1) Германии, 2) Австро-Венгрии, 3) Британской Империи, 4) Швеции и Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Италии и Франции (книги поступили в I Отделение БАН);

– Главный Штаб препроводил означенные в особой ведомости рукописи и архи-

вные материалы, оставшиеся после смерти генерал-лейтенанта Н.Ф. Дубровина и не подлежащие хранению в Общем Архиве Штаба (переданы в Рукописное отделение I Отделения БАН);

– Военно-историческая комиссия Главного управления Генерального Штаба препроводила для БАН труды генерал-майора Николая Романовича Овсяного (военного юриста, писателя, профессора Академии Генерального Штаба, члена Императорского русского географического общества): 6 выпусков «Сборника материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг.»¹⁰, 3 тома «Русского управления в Болгарии» и работу «Болгарское ополчение и земское войско».

Приведенный материал взят из протоколов Общего Собрания выборочно, но исключено совсем немного. Это доказывает, что практически каждый случай общения военных учреждений и Академии наук представляет научный интерес.

По отправленным в Академию изданиям можно судить о направлениях научных исследований, которые велись Главным Штабом в 1900–1916 гг.: составление карты Российской Империи, маршрутная съемка Северной Кореи, японская армия (ее строевой устав, вооружение, снаряжение, инженерная деятельность, словари), китайская армия (отдельные провинции, словари), изучение Азии, вооруженные силы иностранных государств (Германии, Австро-Венгрии, Британской Империи, Швеции, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Италии, Франции, Румынии, Греции, Британских колоний, Турции), управление и состояние дел в южнославянских странах (Болгарии, Сербии), изучение Восточной Бухары, Дарваза и Рушана, опыт ведения войны с Японией.

Следует отметить, что уважение и доверие к Академии наук и ее Библиотеке были столь велики, что Главный Штаб, не смущаясь, посылал в Академию для хранения самые секретные материалы.

Например:

– «Современное состояние китайских вооруженных сил в Печили» (секретно) (1905 г., § 77);

– отчет генерал-адъютанта Куропаткина о минувшей войне с Японией («отчет не может служить материалом для литературных статей или поводом для опровержений и полемики в печати» и должен храниться как секретный документ) (1907 г., § 104);

– 3 экземпляра секретного предварительного отчета полковника барона Маннергейма о поездке, предпринятой, по Высочайшему повелению, через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин (1909 г., § 117);

– 1900–1901. Военные действия в Китае / сост. ген.-майор Овсяный. Ч. 2, 3. СПб. 1910 (доверительно, в двух экземплярах) (1910 г., § 125);

– 1 экземпляр изданной Отделом генерал-квартирмейстера «секретной» книги «Крепости Восточного фронта Германии» (1914 г., § 129).

Одновременно с военно-разведывательным направлением развивались военно-статистическое (отчеты), научно-библиографическое (каталоги Военно-ученого архива Главного Штаба), научно-исследовательское (сборники Главного управления Генерального Штаба), военно-историческое и книговедческое направления деятельности военных учреждений.

Военно-историческое направление представлено многотомным исследованием «Отечественная война 1812 года», «Историческими очерками столетия Военного министерства», «Шведская война 1808–1809 гг. (с приложением карт и планов)», «История лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка».

Книговедческое направление представлено трудом полковника Ивана Давыдовича Орлова «Заметки о некоторых гравированных портретах. Дополнение к подробному словарю Ровинского» (1912 г., § 139). (Издание передано в I Отделение БАН).

Академия наук охотно откликалась на обращения военных учреждений и предоставляла им каталоги своих академических изданий с тем, чтобы военные отмечали в них те издания, которые их могут интересовать. Затем отмеченные издания посылались военным учреждениям. Такие посылки были как разовыми, так и регулярными (если отмечены были периодические или продолжающиеся издания)¹¹. Издания по каталогам посылались из Книжного склада (сейчас Бронированный фонд РАН)¹². Дублетов¹³ Академия наук не посылала, так как БАН их не имела.

Случаи посылки материалов из БАН отмечены лишь тогда, когда требовалось что-либо важное на время. Так, в 1907 г. (§ 226) лейб-гвардии Измайловский полк запросил для печатания при посредстве Военно-Топографического Управления Главного Штаба «Атласа Российского» 20 медных досок к изданному Академией в 1745 году «Атласу Российскому», которые хранились во II Отделении Библиотеки вместе с другими досками гравюр, издававшихся Академией. Общее Собрание разрешило, и доски были переданы по назначению. Условием стало обещание прислать для Библиотеки 1 экземпляр нового издания Атласа. В 1908 г. (§ 66) лейб-гвардии Измайловский полк с благодарностью вернул доски и прислал 20 оттисков с них.

Сотрудничество военных учреждений и Академии наук на этом не заканчивалось. Им приходилось вместе участвовать в обсуждении и выработке правил пересылки почтой рукописных материалов в рамках обмена между учреждениями разных стран. Вопрос впервые был поставлен в январе 1910 г. на Римском историческом конгрессе, затем Академия наук созвала для его обсуждения специальную комиссию, куда были приглашены представители Министерства Императорского Двора, Министерства иностранных дел, Морского министерства, Священного Синода, Главного Штаба и Главного управления почт и телегра-

фов и четыре академика. Был обсужден проект правил и решено его представить для голосования на ближайшем Общем Собрании Международной ассоциации академий наук в Лондоне.

К сожалению, первая мировая война помешала дальнейшему развитию сотрудничества Академии наук и военных учреждений, а последовавшая за войной революция полностью изменила характер их отношений.

1916 г. стал последним годом активного общения военных учреждений с Академией наук. В этот год Академия наук приняла на сохранение деньги и дела «Всероссийского Союза деятелей по увековечению памяти героев войны и устройству приютов-школ для сирот воинов», ликвидировавшего свои дела вследствие закрытия и передавшего, согласно уставу, все оставшееся имущество Академии. Деньги решено было передать в I Отделение Библиотеки для Архива Войны. Кроме того, в сентябре-октябре отмечались частые случаи обращений с запросами на научные издания, особенно на издания Отделения Русского языка и Словесности, поступавшие из Действующей Армии, а также просьбы о высылке научных изданий (преимущественно лингвистического и исторического содержания), касающихся Кавказа, Персии и Турции.

Это был последний «шквал» запросов: в 1917 г. военные учреждения уже не поддерживали прежних отношений с Академией наук.

В 1918 г. Николаевская инженерная академия обратилась к Академии наук с просьбой об охране (спасении) академических архива и библиотеки¹⁴.

Несколько раз свое внимание на Академию наук обратила и новая власть. В 1919 г. ее интересовала возможность забрать у Академии наук библиотеку бывшего лейб-гвардии Семеновского полка¹⁵. В 1920 г. Академия наук выдавала академические издания по запросу Восточного отдела Библиотеки Академии Генерального Штаба¹⁶. В 1921 г. по требованию

Петроградского отделения Главархива Академия наук согласилась передать хранившейся в Академии архив бывшего лейб-гвардии Семеновского полка¹⁷ для приобщения к фондам военной секции Единого Государственного Архивного Фонда. В 1924 г. Ленинградской военно-политической школе им. Энгельса, которая была подшефной у Академии наук, были предоставлены экспонаты для выставки¹⁸.

Больше никаких контактов у военных учреждений новой власти с Академией наук в первой четверти XX в. не было.

Изложенный материал показывает, что проблема взаимоотношений военных учреждений и Библиотеки Академии наук является многогранной, интересной, однако, к сожалению, практически не изученной, что открывает в будущем возможности для научного сотрудничества академических и военных исследовательских коллективов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протоколы заседаний Общего Собрания Императорской, а затем Российской академии наук хранятся в БАН на правах рукописей. Первая публикация отдельных параграфов, касающихся деятельности БАН, состоялась в 2014 г.: *Летопись Библиотеки Российской академии наук (по протоколам РАН: 1900–1928)*. Т. 2 / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб. БАН; Альфа-рет, 2014. 1292 с.

² Общее собрание Императорской Академии наук от 4 сентября 1904 г. Протокол № 6. § 134.

³ Общее собрание... от 18 февраля 1905 г. Протокол № 3. § 77.

⁴ Общее собрание... от 3 сентября 1905 г. Протокол № 9. § 166.

⁵ Общее собрание... от 5 ноября 1905 г. Протокол № 13. § 218.

⁶ Общее собрание... от 5 ноября 1906 г. Протокол № 1. § 2.

⁷ Общее собрание... от 15 апреля 1906 г. Протокол № 9. § 114.

⁸ Общее собрание... от 1 февраля 1903 г. Протокол № 2. § 33.

⁹ Азиатский музей Академии наук имел в начале XX в. настолько тесные отношения с Библиотекой Академии наук, что им руководил тот же академик, что заведовал в БАН Вторым (Иностранным) отделением — известный востоковед Карл Генрихович Залеман (1850–1916). Из-за этого фонды обоих учреждений комплектовались одновременно, и порой перевешивали интересы Азиатского музея. Впрочем, с конца 1920-х годов возникла воплощенная ныне идея о едином библиотечном фонде, который распределен между БАН как головной организацией и библиотеками-филиалами, находящимися в академических институтах. Так что издания Главного Штаба начала XX в. все равно попали в фонд Библиотеки Российской академии наук.

¹⁰ Этот труд вошел в сборник «Ближний Восток и славянство» (СПб., 1913) и был удостоен золотой медали Академии наук.

¹¹ Библиотека Николаевской академии Генерального Штаба. — Общее Собрание... от 7 декабря 1902 г. Протокол № 9. § 228.

¹² Посылки были разовыми по конкретному запросу или регулярными (по направлениям). Примером разового

запроса может служить запрос Военно-статистического отдела Генерального Штаба на издание Шренка «Амурский Край. Инородцы», 1899. — Общее Собрание... от 1 ноября 1903 г. Протокол № 8. § 192.

¹³ Такие запросы иногда поступали от чинов, которые приступали к формированию библиотек при вновь образуемых учреждениях (например, Интендантский курс при Николаевской академии Генерального Штаба). — Общее Собрание... от 4 ноября 1900 г. Протокол № 8. § 189.

¹⁴ Общее Собрание... от 26 (15) июня 1918 г. Протокол № 10. § 157. С. 113–114; то же... от 14 (1) сентября 1918 г. Протокол № 11. § 208. С. 138.

¹⁵ На это Академия возразила, что у нее хранится переданная ей навсегда только библиотека Офицерского собрания данного полка, поэтому она не может ее выдать. — Общее Собрание... от 18 января 1919 г. Протокол № 1. § 15. С. 6; Общее Собрание... от 4 октября 1919 г. Протокол № 9. § 200.

¹⁶ Общее Собрание... от 6 марта 1920 г. Протокол № 3. § 44. С. 19.

¹⁷ Общее Собрание... от 25 июня 1921 г. Протокол № 6. § 101. С. 42.

¹⁸ Общее Собрание... от 5 мая 1924 г. Протокол № 5. § 107. С. 22.

ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1914–1922 гг.

В.П. Кудрявцева

Первая мировая и гражданская войны, а также Октябрьская революция стали тяжелым испытанием для России. Все эти годы Академия наук и ее Библиотека не прекращали своей деятельности: делали все возможное для спасения книжных коллекций, культурных ценностей и помощи раненым воинам.

Осенью 1914 г. неудачно завершилась для России Первая мировая война, а в апреле-августе 1915 г. произошло «Великое отступление» на германском фронте... Защитникам Отечества необходима была квалифицированная медицинская помощь. В северной столице размещались основные гражданские лечебно-санитар-

ные учреждения Российской империи. Они состояли в ведении Медицинского департамента Министерства внутренних дел. Однако в России, практически, не было создано эффективного самостоятельного полноценного центрального органа управления. Во время войны император назначил принца А.П. Ольденбургского «верховным начальником санитарной и эвакуационной части»¹. В августе-сентябре 1914 г. при поддержке городских и общественных организаций, различных учреждений и частных лиц, в России возникло множество стационаров для лечения раненных и больных воинов. «При поддержке императрицы Александры Федоровны открывались многочисленные военные госпитали»² и санитарные поезда перевозили раненных в тыл. В 1914 г. в Петрограде залы Нового Эрмитажа приспособили под склад для пожертвований и мастерские для изготовления вещей для воинов. Склады-мастерские были открыты и в Главном управлении Российского общества Красного Креста. Под лазареты отводились помещения в императорских и великокняжеских дворцах, в Александро-Невской лавре и Иоанновском монастыре, в Министерстве финансов и в Николаевской военной академии, в Императорской Академии наук и других организациях.

Устроенный в 1914 г. в Академии наук лазарет для раненных воинов нижних чинов состоял в ведении Российского общества Красного Креста и был записан под № 185 во имя Великого Князя Константина Константиновича. После смерти августейшего президента лазарет с высочайшего соизволения 19 июля 1915 г. приняла под свое покровительство великая княгиня Елисавета Маврикиевна.

Больничные помещения организовали в разных зданиях «Академии: Большой Конференц-зал, две аванзалы, часть Антропологического отделения Музея Антропологии и Этнографии, проходная комната в Славянском Отделении Библиотеки, библиотека Сейсмической Комиссии, приемная комната врача, две

служительские квартиры, одна квартира из числа занимавшихся чиновниками Канцелярии Правления. Устроены и оборудованы: палата, перевязочная комната, ванная... кухня, комнаты для сестер, дежурная комната для медицинского персонала»³. В 1916 г. Библиотека предоставила помещения для раненных воинов на втором этаже нового здания, построенного по проекту архитектора академика Р.Р. Марфельда в 1914 г. Он также содействовал в устройстве церкви в переходной комнате, рядом с больничной палатой. Возможно, во всех помещениях учреждений Академии, где размещался Лазарет, были иконостасы. Божественную литургию, молебны и панихиды для раненных совершал священник А.А. Дубровский.

6 сентября 1914 г. в частном собрании членов Конференции Академии было решено учредить для заведывания Лазаретом особый Комитет. Председателем был избран академик П.В. Никитин, секретарем — А.Д. Руднев, его заменяли или В.Л. Бианки, или Э.К. Пекарский.

Приобретением оборудования для Лазарета занимался академик Н.А. Котляревский. Устройство больничных палат проходило при участии старшего врача доктора А.Р. Войнич-Саноженцкого и старшей сестры М.С. Боткиной. На медицинское оборудование, мебель, электрическое освещение и фeroфоны, аптечные и перевязочные средства, стерилизатор, белье и т. д. было потрачено 6 040 рублей. В перевязочной комнате повесили 2 умывальника. В окнах установили электрические вентиляторы.

16 октября 1914 г. из эвакуационного распределительного пункта привезли на автомобилях первых раненных. Лазарет с 50 койками содержался на пожертвования и добровольные отчисления сотрудников Библиотеки и Академических учреждений. В больничных помещениях проводились ежедневные дежурства членов Комитета. Медицинский персонал состоял из: старшего врача А.Р. Войнич-Саноженцкого, врачей В.Г. Бандалиной и Е.К. Никифоровой;

терапевта В.М. Бородулина, стоматолога — А.А. Пацановской; старшей сестры М.С. Боткиной, сестер В.Г. Бернштам, В.С. Пергамент, О.И. Шауфельбергер, П.О. Рябовой и массажисток М.З. Амантовой и Е.Н. Сунгуровой и сестр-волонтерок Т.Ф. Голубиной, Т.П. Книпович, К.С. Ляпуновой и других сотрудников. Для консультаций приглашались врачи-специалисты. В Лазарете было проведено около 100 операций. Лекарства для больных закупались со скидкой в Аптеке профессора Пеля. перевязочный материал поступал из Управления северного района Российского общества Красного Креста. Директор Императорского клинического повивально-гинекологического института профессор Д.О. Отто разрешил медицинским работникам Лазарета пользоваться рентгеновским аппаратом.

Жены и дочери сотрудников академических учреждений вели надзор за кухней, раздачей еды и чая в столовой. Раненых кормили в определенное время: в 8 часов утра и в 3 часа дня они пили чай, в 11 1/2 часа обедали, с 6 1/2—7 ч. ужинали. Высшая норма продовольственного расхода на каждого раненого была установлена 70 копеек в день. В обед и ужин раненые получали по 2 блюда мясное или рыбное и т. д. К чаю давался белый хлеб и молоко, которое привозилось с Финляндского молочного склада.

Кроме того, академическими дамами был создано благотворительное общество которое с Академическим комитетом заботились о содержании и размещении в городе близких родственников раненых воинов, организовали показ кинематографа с музыкальным сопровождением, концерты, пасхальные и новогодние празднования с раздачей подарков и литературные чтения для раненых. Библиотекой лазарета заведовала Н.А. Шахматова. Книжки поступали от обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера, академика К.Г. Залемана, начальника Военной типографии П.Ф. Заусцинского и других лиц. Бесплатно высылались газеты из городских типографий. В 1914 г. в Кунстка-

мере при Рукописном отделении Библиотеки образовался «Архив войны». «В печатном объявлении об этом учреждении и лицам предлагалось доставлять в «Архив войны» письма, карикатуры, лубочные картинки, открытки и т. п.»⁴.

После выписки из Лазарета войны получали от благотворительного общества теплые вещи, продукты (чай, сахар, сладости), деньги и другие необходимые в дороге предметы. В 1917 г. в России произошла Октябрьская революция. В 1918 г. Лазарет № 185 был ликвидирован. Однако здание Библиотеке не вернули. В помещениях разместился 166-сводный эвакуационный госпиталь для раненых красноармейцев и сто человек медицинского персонала. Церковь на втором этаже разобрали и «ее оборудование перешло к общине при университетском храме и было использовано для церкви Всех русских святых, открытой позже на Биржевой линии, 8, в квартире академика И.И. Срезневского. Прихожане создали просуществовавшую пять лет церковь Всех русских святых»⁵. В 1924 г. иконостас домово́й церкви поступил в фонды Музея оживающего культа (с 1932 г. — Музей истории религии).

В 1917–1922 гг. Библиотека не прекращала свою деятельность и делала все возможное для спасения книжных коллекций. Первая мировая война нанесла «сильный удар комплектованию II Отделения... Всякое сношение с фирмой Фосса прекратилось. Чтобы возместить образовавшийся провал, Библиотека обращается к книготорговцам стран союзников или нейтральных стран. Поступление книг и периодических изданий сократилось. Более 400 учреждений прекратили обмен»⁶. Академики делали все возможное для спасения книжных собраний разных учреждений и частных лиц. В 1914 г. в Академии наук создали Комиссию по вопросу об охране исторических памятников и научных коллекций в районах военных действий⁷ в Галиции, Буковине, Польше и Западной Украине. В 1915 г. в Академии прошло

Совещание по вопросу о русских научных интересах в Палестине⁸, Сирии, Финикии и Синайском полуострове в связи с войной с Турцией. В 1915–1917 гг. Библиотека старалась приобретать все, что встречалось нужного и ценного в России. Через книжный магазин П.И. Киммеля в Риге были куплены издания XVIII в. и первой половины XIX в. из известных в свое время общественных библиотек А.Ф. Смирдина и П.И. Крашенинникова, а через магазин А. Мельникова в Петрограде — собрание карт и планов. Главный источник пополнения академического библиотечного фонда — пожертвования книг и рукописей. Например, герцогиня Мекленбургская в 1917 г. после Февральской революции передала в дар «замечательное собрание около 800 научных книг»⁹ великой княгини Елены Павловны. Большое значение для Библиотеки имело получение коллекций президента Академии великого князя Константина Константиновича, директора II Отделения К.Н. Залемана и академика А.С. Лаппо-Данилевского, и поступление из Экспертной комиссии около 400 000 изданий разных коллекционеров. Кроме того, в Библиотеку были переданы материалы из Архива Департамента полиции, Охранного отделения и Жандармского губернского управления. Очень активно пополнялся «Архив войны», в который помимо военных материалов теперь включались революционные листовки и периодические издания. Был собран полный экземпляр газеты «Известия» за февраль-март. К 1917 г. в Славянском отделе насчитывалось около 112 000 томов, а весь книжный фонд Библиотеки превысил полтора миллиона томов. I Отделение насчитывало около 310 000 томов, II Отделение — менее 100 000 томов. В 1919 г. I и II Отделения объединили под одним руководством. Директором всей Библиотеки стал А.А. Шахматов.

В июле-декабре 1918 г. советское правительство приняло ряд мер по национализации частных библиотек и по охране национализированных книжных фондов.

«Библиотека Академии наук, Петроградская Публичная библиотека и Румянцевский музей имели преимущественное право на получение национализированных собраний»¹⁰. В 1919 г. СНК РСФСР принял постановление об использовании «старых бесполезных архивов». В 1920–1921 гг. было уничтожено около 70% документов XVIII в. «5 февраля 1921 года общее собрание Академии наук приняло решение обратиться в Госиздат по вопросу об образовании Комиссии по разборке подлежащих уничтожению церковно-философских и исторических книг... В результате такого вмешательства удалось спасти от разграбления ценности из русских монастырей и церквей»¹¹.

В 1920 г., 3 ноября, был издан декрет СНК «О централизации библиотечного дела», составленный Н.К. Крупской. Он стал первым законодательным актом, определившим конкретные мероприятия по библиотечному строительству в Советском союзе. Все библиотеки Наркомпроса и других ведомств включили в единую библиотечную сеть РСФСР.

В течение нескольких лет Академия наук пыталась добиться возвращения здания Библиотеки. С увеличением книжных фондов возникали проблемы с их размещением. Помещения в Кунсткамере и в здании Академии наук, на складах и в амбарах были переполнены литературой. В Библиотеке книги укладывались на пол, на подоконники, лежали на читательских столах. Многие ценные издания и рукописные собрания хранились в ящиках и не выдавались читателям. 10 апреля 1919 г. Непременный Секретарь С.Ф. Ольденбург обратился к Секретарю Совета Народных Комиссаров с просьбой принять меры к возвращению «здания Академии, а также к выдаче Академии 200 000 руб. на ремонт этого здания»¹². 20 апреля он попросил содействия в этом деле начальника Эвакуационного Отдела при Петроградском Окружном Военно-Санитарном управлении И.В. Павлова. 27 апреля И.В. Павлов письменно сообщил: «по докладе им сего

дела Начальнику Военно-Окружного Санитарного Управления, сделано распоряжение о подыскании для госпиталя иного помещения, после чего можно будет освободить здание Библиотеки; что касается ремонта и ассигнования на него Академией 200 000 руб., то этот вопрос должен быть разрешен при участии Квартирного Управления, для чего будет образована особая Комиссия, и от Квартирного Управления будет зависеть, будут ли произведены эти работы средствами и распоряжением Квартирного Управления, или Академии наук будут выданы средства на этот ремонт»¹³.

В связи с тем, что вопрос о возвращении здания Библиотеке Академии не был решен, 12 октября Академия передала большую часть помещений во временное пользование Комитету Государственных Сооружений Северного Района. В феврале 1919 г. Комитет вынужден был освободить здание, так как в помещениях предполагалось разместить 763 Сводный Полевой Запасной госпиталь. Непременный Секретарь обратился 26 февраля в Совет Народного Хозяйства Северного Района и 27 февраля послал телеграммы Народному Комиссару по военным делам Троцкому и Председателю Совнаркома Ленину с просьбой о возвращении здания Академии. 25 марта С.Ф. Ольденбург спросил у начальника Окружного Квартирного Управления о том, какие приняты меры Окружным Военно-Санитарным Управлением. 31 марта неременный секретарь обратился к Комиссару по военным делам Позерну и попросил Библиотечный отдел Народного Комиссариата по Просвещению оказать содействие Академии.

В 1921 г. «Начальник Петроградского Районного Эвакуационного Пункта Красной Армии 1 марта с.г. за № 5492 сообщил, что им получено распоряжение о закрытии и выводе из помещения Библиотеки Академии наук расположенного там 763 Сводного Полевого Запасного Госпиталя. Ввиду того, что по выводе госпиталя, здание потребует ремонта... с другой-же стороны госпиталь в настоящее время край-

не необходим... до 1 июля... Эвакопункт обязуется очистить здание»¹⁴. Наконец, в июне 1921 г. по распоряжению В.И. Ленина Библиотеке вернули здание на Биржевой линии. В результате пятилетнего пребывания в нем 166 сводного эвакуационного и 763 сводного полевого запасного госпиталей здание оказалось в запущенном состоянии, потребовалось несколько месяцев для производства самых неотложных ремонтных работ. В новом здании и в 4-х хранилищах было восстановлено паровое отопление и поставлены стеллажи и полки. В 1921 г. сотрудники Библиотеки разместили в новом здании 16 ящиков с книгами и рукописями, эвакуированными в 1917 г. в г. Саратов.

2 декабря на Общем заседании Академии директор Библиотеки Н.К. Никольский доложил: «В течение 40 дней перевезено свыше 1 миллиона томов, весом около 12 000 пудов, что составляет приблизительно половину всей Библиотеки»¹⁵. Перемещение книжных коллекций продолжалось более двух лет: с 12 октября 1922 г. по 6 ноября 1924 г. За это время перевезли фонд книг почти в 2 1/2 миллиона томов. Одновременно производился капитальный ремонт помещений и прерванные войной общестроительные работы. Переезд и размещение книжного собрания в новое здание стало завершающим этапом в налаживании и организации работы Библиотеки, нарушенной военными событиями и экономическими трудностями в стране.

Деятельность в 1914–1922 гг. Академии наук проходила в переломное для России время. В начале войны — Императорская, после Октябрьской революции — Российская, а затем и Академия наук СССР. Вместе с Академией наук Библиотека была озабочена состоянием русской культуры, спасением религиозных и культурных ценностей. К сожалению, далеко не все усилия Академии наук по спасению ценных коллекций в те годы были успешны, но благодаря работе академиков и сотрудников Библиотеки и других академических учрежде-

ний, удалось сохранить многие издания, в настоящее время хранящиеся в фондах Библиотеки Российской Академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Будко А.А. История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 23.

² Иванова Н.М. Война и милосердие // Первая мировая война. История и психология: Материалы Российской научной конференции 29–30 ноября 1999 г. / под ред. В.И. Старцева [и др.]. СПб.: Нестор, 1999. С. 113.

³ Лазарет имени Великого Князя Константина Константиновича для раненых воинов, состоящий под покровительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикиевны, при Императорской Академии Наук. Предварительный отчет (с основания Лазарета по 1 сентября 1915 года). Пг., 1915. С. 1.

⁴ Луппов С.П. [и др.]. История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964 / С.П. Луппов, А.М. Копанев, М.В. Кукушкина [и др.]; отв. ред. М.С. Филиппов. М.; Л.: Наука, 1964. С. 295.

⁵ Домовая университетская церковь Св. Апостолов Петра и Павла // И.Л. Ти-

хонов. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 50.

⁶ Луппов С.П. История... С. 283.

⁷ Протокол Общего собрания. X заседание, 20 декабря 1914 г. № 222 // Летопись Библиотеки Российской Академии наук (по протоколам РАН: 1900–1928). Т. 2 / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова [и др.]. СПб.: БАН; Альфарет, 2014. С. 680 (см. далее Протокол ОС).

⁸ Протокол ОС. V заседание, 2 мая 1915 г. С. 706.

⁹ Луппов С.П. История... С. 286.

¹⁰ Там же. С. 311–312.

¹¹ Чумакова Т.В. Академия наук и сохранение памятников религии и культуры в 1921–1927 гг. // Музей. Общество. Религия: Аспекты взаимодействия. К 70-летию Государственного музея истории религии. Материалы IX Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. СПб., 2002. С. 124–125.

¹² Протокол ОС. III заседание, 8 марта 1919 года. № 92. С. 924–925.

¹³ Там же. С. 925.

¹⁴ Протокол ОС. III заседание, 5 марта 1921 года. № 32. С. 1004.

¹⁵ Протокол ОС. XI заседание, 2 декабря 1922 года. № 210. С. 1061.

«ОБРАЗЕЦ ДОСТУПНОГО И ЯРКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ...»

(Из истории подготовки
академиком Е.В. Тарле монографии «Крымская война»)

В.С. Соболев

Замысел создания фундаментальной работы по истории Крымской войны у академика Е.В. Тарле, видимо, оформился во второй половине 1930-х годов. В ходе его реализации учёным была проведена огромная работа в целом ряде Архивов и библиотек СССР по выявлению необходимого фактического материала, его тщательному изучению и осмыслению. Назовём только самые крупные Архивы и Библиотеки страны, материалы которых были активно использованы Е.В. Тарле в своей работе по подготовке двухтомного сочинения о Крымской войне: Центральный государственный Архив Древних актов, Центральный государственный Военно-исторический Архив, Центральный государственный Военно-морской Архив, Центральный государственный Исторический Архив в Москве, Архив внешней политики России, Рукописный отдел государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Рукописное отделение государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Академик Н.М. Дружинин в своём редакторском предисловии к четвёртому изданию «Крымской войны» 1959-го года подчеркнул, что «этот труд остаётся образцом доступного и яркого изложения, основанного на огромном печатном и архивном материале»¹ (тогда эта работа в качестве VIII и IX томов вошла в 12-томное собрание сочинений Е.В. Тарле).

В нашей статье мы расскажем о работе учёного в Центральном государственном Военно-морском Архиве. В настоящее время это архивное учреждение входит в состав федеральных архивов России под названием Российский государственный Архив Военно-морского флота.

Е.В. Тарле

(РГАВМФ) Недавно в фонде № Р-749 («Архив — архива») РГАВМФ были выявлены, на наш взгляд, довольно интересные документы, которые отложились там в результате деятельности Е.В. Тарле в этом Архиве в качестве исследователя.

Свою работу в РГАВМФ академик Е.В. Тарле начал, видимо, в начале весны 1939 года. Об этом свидетельствуют хранящиеся в его личном деле исследователя два отношения с просьбой о допуске к работе с архивными материалами. Первое отношение от 16 февраля 1939 года от редакции журнала «Морской сборник» было подписано его ответственным секретарём Н. Самсоновым², второе отношение от 9 марта 1939 года от Ленинградского отделения Института истории АН СССР — исполнявшим обязанности заместителя директора С. Валком и учёным секретарём А. Шустером³.

17 февраля 1939 года Е.В. Тарле заполнил и подписал анкету исследователя⁴. Академик обозначил цель своих занятий в Архиве «Учёное исследование»

и указал необходимые ему материалы: «О Крымской войне 1854–1855 гг. и Восточной войне 1853–1856 гг.». В анкете был указан и домашний адрес учёного: Ленинград, набережная 9 января, д. 30, кв. 4. (ныне это Дворцовая набережная — В.С.).

Ленинградское отделение Института истории АН СССР своим вторым отношением от 31 мая 1940 года просило продлить срок работы Е.В. Тарле над монографией «Восточная война 1853–1856 гг.»⁵. У нас есть основания полагать, что работа Е.В. Тарле в РГАВМФ, безусловно, с перерывами продолжалась до середины июля 1941 года (последняя расписка учёного в получении архивных дел датирована 16 июля 1941 года).

Видимо, и сроки подготовки рукописи, и большой объём архивного материала обусловили необходимость обращения Е.В. Тарле за помощью к своим коллегам. В личном деле учёного сохранилось его заявление от 3 июня 1940 года, поданное на имя начальника Военно-морского Архива. В заявлении содержалась просьба «разрешить моему секретарю, научному сотруднику Академии наук Л.В. Шекшиной работать над описями архивного фонда А.С. Меншикова»⁶.

Проведённое нами внимательное изучение текста двухтомной монографии Е.В. Тарле «Крымская Война» показало, что из документов РГАВМФ учёным в основном были использованы материалы архивного фонда № 19 «Меншиков Александр Сергеевич. Адмирал. 1787–1869». Всего в этом фонде имеется 2 489 дел⁷. Причём Е.В. Тарле были использованы документы из описи № 2 «Частная и служебная переписка» и описи № 4 «Материалы биографического характера».

Научная значимость и важность материалов этого фонда обусловлены тем обстоятельством, что его создатель князь Александр Сергеевич Меншиков был известным государственным деятелем Российской империи середины XIX века. С 1836 года он возглавлял Главный Морской штаб, позднее был назначен морским

министром. После начала Крымской войны А.С. Меншиков являлся Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами в Крыму.

Теперь попытаемся вкратце рассказать, как конкретно были использованы Е.В. Тарле в своём исследовании материалы фонда А.С. Меншикова. Прежде всего, учёным были выявлены и привлечены к своей работе материалы о том сложном периоде в международных отношениях, который предшествовал началу Восточной войны. В апреле 1853 года А.С. Меншиков в качестве чрезвычайного посла России был направлен в Стамбул, с целью как-то исправить уже создавшуюся острую конфликтную ситуацию между двумя странами. Однако его миссия закончилась полным провалом. Е.В. Тарле были использованы документы, которые достаточно убедительно свидетельствуют о том, что сам А.С. Меншиков являлся сторонником войны с Турцией и был уверен в том, что Россия одержит быструю победу над ней. Так, в его письме к И.Ф. Паскевичу, направленному после окончания переговоров в Турции, в частности, указывалось следующее: «У Порты нет ни денег, ни хорошо организованных

войск, её солдаты, особенно запасные дезертируют целыми бандами, её вооружения истощаются, и если это положение ещё немного продлится, она будет доведена до печальной крайности»⁸. А вот что писал А.С. Меншикову в августе 1853 года из Санкт-Петербурга его друг и единомышленник князь М.П. Голицын: «немецкая партия, круги близкие к австрийскому и прусскому посольствам, берут верх, отклоняют царя от войны. Это — несчастье, что никто не хочет войны и не верит в войну, и это в то время, когда Россия нуждается в войне»⁹. Заметим, что оба вельможи и влиятельных государственных деятеля в этот момент были уверены в том, что в случае войны России придётся иметь дело только с Турцией, а не с целой коалицией самых сильных европейских держав.

Материалы фонда А.С. Меншикова позволили Е.В. Тарле сделать вывод о том, Россия летом 1853 года сама готовилась к внезапному нападению на Турцию. Так, в июне 1853 года в Севастополе «готовился десантный отряд, силой в 15 652 рядовых, 2032 унтер-офицера, 262 обер-офицера, 26 штаб-офицеров, при пяти генералах. Отряд имел 16 батарейных и 16 лёгких орудий»¹⁰.

В то же время в высшем эшелоне власти России господствовала полная неопределённость в решении тех проблем, которые достаточно неожиданно возникли перед страной. Так, в октябре 1853 года русский посланник в Бухаресте граф М.Д. Бутурлин писал А.С. Меншикову: «Что касается наших проектов, наших планов, — они так туманны, так мало определённы, что почти равны нулю. Кроме того, не мы призваны решать, что мы будем делать»¹¹. Растерянность М.Д. Бутурлина историку понятна, так как к этому моменту в Дунайских княжествах уже несколько месяцев стояли введённые туда русские войска.

Е.В. Тарле прокомментировал сложившуюся тогда ситуацию следующим образом: «Но Зимний дворец молчал. Владыка половины Европы и половины

Азии, недавний гегемон, дававший направление мировой политике, колебался (это — об императоре Николае I — В.С.). События развертывались не так, как он ждал, он уже переставал ими управлять, потому что они перерастали его»¹².

В начале 1854 года стало очевидным, что России придётся воевать с целой коалицией государств. Создавшееся положение дел в стране волновало тогда многие умы. Вот, например, что отмечал поэт Ф.И. Тютчев в своём письме от 24 февраля 1854 года к своей жене Э.Ф. Тютчевой: «больше обманывать себя нечего — Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой... И, однакож, это было неизбежным... то вечный антагонизм между тем, что, за неимением других выражений, приходится называть: Запад и Восток»¹³.

Е.В. Тарле использовал часть служебной переписки А.С. Меншикова с вице-адмиралом Л.Л. Гейденом, чтобы показать начавшуюся спешную подготовку России к войне уже с учётом новых реалий. (Л.Л. Гейден являлся тогда Дежурным генералом Главного Морского штаба). Так, в одном из писем, направленных Л.Л. Гейдену в марте 1854 года, А.С. Меншиков: «Мне приходится здесь готовиться к отпору французских и английских десантов»¹⁴. В связи с этим Е.В. Тарле считал необходимым отметить, что к началу военных действий в этом направлении «Меншиков ничего не сумел сделать для серьёзной защиты русских берегов»¹⁵.

В свою очередь, Л.Л. Гейден в одном из своих писем, отправленном А.С. Меншикову также в марте 1854 года, докладывал о положении дел на Балтийском море: «Не знаю, как мы справимся с неприятелем, но мне кажется, что мы не совсем готовы к войне...»¹⁶. В этом плане большие трудности были обусловлены ещё и технической отсталостью российского флота. Так, основу Балтийского флота тогда, кроме парусных кораблей, составляли ещё и 196 единиц гребных судов. Причём в ходе самой экстренной подготовки к военным действиям команды упомянутых

гребных кораблей в количестве 12 296 человек ещё только «в спешном порядке набирались и сажались на гребные суда, а линейный флот (то есть, парусный — В.С.) — спешно чинился»¹⁷. В данном случае мы можем отдать должное дипломатическим способностям Л.Л. Гейдена, употребившего в своём докладе весьма деликатное выражение: «не совсем готовы».

Достаточно любопытный эпизод, также касающийся затронутого нами вопроса о боеспособности Балтийского флота, содержится в знаменитом «Дневнике» Александра Васильевича Никитенко. В феврале 1856 года, по повелению великого князя Константина Николаевича, А.В. Никитенко в составе специальной комиссии проверял деятельность Кронштадтского Штурманского училища. Во время этой командировки у него, в частности, состоялась встреча с адмиралом Ф.М. Новосильским, одним из участников обороны Севастополя. Во время их беседы А.В. Никитенко указал адмиралу «из окошка на флот, занимавший всю гавань, и заметил его многочисленность». На всё это Ф.М. Новосильский ответил: «это ничего не значит, всё-таки у нас флота нет. Эти корабли не годятся для дела, потому что они не винтовые»¹⁸.

Е.В. Тарле были использованы из фонда А.С. Меншикова и некоторые сведения о ходе военных действий. Например, описание и результаты первого сражения русских войск с войсками союзников во время их высадки в Крыму у реки Альмы 8-го сентября 1854 года. В ходе этого сражения русские войска потерпели поражение. Е.В. Тарле отметил, что в битве у Альмы союзникам удалось достичь численного преимущества. Ими было десантировано около 57 000 человек, в то время как под командованием А.С. Меншикова имелось около 35 000 человек. Причём, практически, все солдаты союзников были вооружены современным оружием — штуцерами, а в русских войсках насчитывалось всего 1 660 человек, вооружённых подобными «нарезными» ружьями¹⁹.

Поражение при Альме было для Русской Армии неожиданным и тяжёлым. Е.В. Тарле приводит в своей работе один фрагмент из письма императора Николая I, направленного И.Ф. Паскевичу сразу же после этого события: «Я в совершенно лихорадочном расположении от всего происходящего: покоряюсь воле божией и готовлюсь ко всему худшему»²⁰.

Ряд документов фонда А.С. Меншикова был привлечён Е.В. Тарле с целью отразить то тяжёлое положение, в котором оказались русские войска в Крыму. Например, приведём только одну выдержку из доклада вице-адмирала В.А. Корнилова, направленного А.С. Меншикову накануне первой бомбардировки Севастополя союзниками 5 октября 1854 года. В.А. Корнилов сообщал своему непосредственному начальнику, в частности, следующее: «Не можем сладить с мортирами, Карташевский поставил вчера на бастионе № 4 мортиру, в которую не лезет бомба, равно как бомбовые 3-пудовые орудия не выдерживают пальбы... Казаки просят сапог, они всё претендуют, что им не выдавали за две трети жалованья»²¹.

В заключение считаем возможным сделать некоторые обобщения и выводы:

В своей монографии «Крымская война» академик Е.В. Тарле на богатом и конкретном фактическом материале со всей убедительностью показал экономическую, политическую и военную отсталость крепостнической России, назревшую необходимость коренного реформирования страны;

В то же время в его работе ярко изображены храбрость и беззаветная преданность родине тысяч солдат и матросов, инициатива и энергия многих военачальников и офицеров, героизм защитников Севастополя.

За первую часть монографии, вышедшую в свет осенью 1941 года, её автор был удостоен Сталинской премии 1-й степени. «Крымская война» сразу нашла своего массового читателя и в тылу, и на фронте. В течение короткого времени было осуществлено три издания книги Е.В. Тарле,

она была переведена на английский язык и напечатана в Англии и США.

До настоящего времени «Крымская война» Е.В. Тарле по праву считается ярким и значительным исследованием, весомым вкладом в историографию истории России XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тарле Е.В.* Крымская война. Ч. 1. Сочинения в 12 томах. Т. 8. М., 1959. С. 8.

² Российский государственный Архив Военно-Морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р. 749. Оп. 4. Д. 983. Л. 2.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. ЛЛ. 6–7 (автограф Е.В. Тарле).

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 3 (автограф Е.В. Тарле).

⁷ *Мазур Т.П.* РГАВМФ. Аннотированный реестр описей фондов. (1696–1917 гг.). СПб., 1996. С. 33.

⁸ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 19.

⁹ Там же. Ч. 2. Соч. Т. 9. М. 1959. С. 115.

¹⁰ Там же. Ч. 1. С. 141.

¹¹ Там же. Ч. 1. С. 269.

¹² Там же.

¹³ *Тютчев Ф.И.* Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1980. С. 147–148.

¹⁴ *Тарле Е.В.* Указ. соч. Ч. 2. С. 7.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 47.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Никитенко А.В.* Дневник в трёх томах. Т. 1. М., 1955. С. 429–430.

¹⁹ *Тарле Е.В.* Указ. соч. Ч. 2. С. 106–107.

²⁰ Там же. С. 116.

²¹ Там же. С. 137.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХАНЬЛИНЬ

Т.И. Виноградова

Выражение *Ханьлинь шуюань* переводят как Императорская академия Ханьлинь. Первый бином — *Ханьлинь* — буквально «лес кистей или перьев», в переносном значении «литературная элита» восходит к оде Ян Сюна, ханьского философа-конфуцианца, филолога-лингвиста и литератора (53 до н. э. — 18 н. э.). Вторые два слога — «книжный двор», в старом китайском языке означали «академию», но не в нынешнем неясном смысле, а скорее в античном: платоновская академия была бы именно «шуюань». Был у слова и второй смысл — «книгохранилище», «библиотека».

Призванная обеспечивать идеологическое обоснование государства академия Ханьлинь, основанная в VIII в. и упраздненная в начале XX в., была плоть от плоти китайской империи, какой бы дом не правил ею в данный момент.

Академия была создана в 738 г. для составления проектов указов и филологический штудий по высочайшему повелению танского императора Сюаньцзуна (685–762, на троне 712–756). Уже в X в. в обязанность академии вменено было государственное историописание. Издревле повелось, что каждое новое династийно-государственное образование, возникшее на территории Среднего государства, составляло официальную историю предыдущего государства. Следовало обосновать легитимность новой династии и закономерность ухода старой. Истории писались на основании документов, хроник, устных преданий; утвержденные императором, они получали официальный статус. Сотрудники Академии выполняли также функции Высшей аттестационной комиссии, участвуя в организации и приеме экзаменов на право занятия государственных должностей.

Структура Академии совершенствовалась по мере возрастания возложенных на учреждение обязанностей. Департаменты создавались в соответствии со специализацией ученых, руководство Академии, подчиненное непосредственно императору, координировало работу департаментов. Во главе Академии иногда появлялись и полководцы: во время войн и подготовки к ним требовалось усиление идеологического руководства. Сотрудники были разделены на четыре ранга, назначение на должности происходило по указанию императора.

В штате Академии числились виднейшие китайские поэты. На низших должностях работало множество грамотных и обладавших хорошим почерком переписчиков: двору нужно было регулярно представлять значительные по объёму труды. Заметим, что должностей, аналогичным любым библиотечным, в штате заведения не было, в отличие от официальных книгохранилищ, тут уместно привести описание библиотекаря танского времени (618–907) у В.М. Рыбакова. Надеюсь, автор простит, что мы воспроизведем цитату из его труда, опустив иероглифику. «Чиновники, возглавляющие библиотечную службу наследника престола [...], назывались просто и ясно — “мойщики лошадей” [...]. Дело, видимо, было в том, что в древности, и уж во всяком случае при Цинь, в штате обслуги наследника престола существовала должность находящегося впереди [...]. В его обязанности входило верхом или пешком пребывать впереди едущего верхом наследника и пролагать ему путь, а т и вести за ним лошадь. Надо полагать, что со временем, когда образованность стала цениться несколько выше, обеспечение наследника надлежащим чтением начал рассматриваться как метафора расчистки

для него жизненного пути и ведения под уздцы его коня»*.

При наследующей Тан династии Сун (990–1279) в стране существовала уже разветвленная система библиотек разного уровня, императорских, муниципальных, монастырских, частных, со своим штатом хранителей и писцов. Можно предположить, что в обязанности членов Академии хранение книг не входило, они на определенных условиях могли пользоваться нужной литературой из любых библиотек.

Постоянно развиваясь и совершенствуясь при исконных китайских династиях Тан и Сун, при монголах (династия Юань: 1271–1368) Академия столкнулась с некоторыми трудностями, на время утратив свое определяющее значение, так как императоры-монголы при назначении на должности откровенно пренебрегали установленными конфуцианскими аппаратными догмами, раздавали чины своим родственникам, землякам и иностранным (мусульманским или европейским) специалистам. Государственные экзамены назначались редко и нерегулярно, Академия закрывалась и открывалась в связи с меняющейся политикой.

Национальная китайская династия Мин (1368–1644) с самого основания была тесно связана с конфуцианскими учеными, им удалось быстро восстановить влияние Академии. Особенно возросла ее роль при императоре-узурпаторе Чжу Ди (1360–1424), третьим из минских владык, правящим под девизом Юн-лэ (1403–1424). Нуждаясь в легитимизации своего правления, в налаживании отношений с конфуцианской элитой, враждебно встретившей его воцарение, он привлек Академию к разработке новой мощной государственной идеологии, а также к созданию беспрецедентной литературной энциклопедии, озаглавленной его девизом правления.

В 1403 г. император Юн-лэ образовал комиссию из 147 ученых для составления свода всех известных к тому времени сочинений по всем темам. Позднее к работе было привлечено еще 28 известных ученых и более 3 000 каллиграфов и книжников со всего Китая. Они отобрали в Императорской библиотеке около 8 000 произведений, созданных в период с древности до конца Юань. В состав «Юн-лэ дадянь» вошли все произведения китайской литературы, имевшиеся в минской императорской библиотеке, в том числе не дошедшие до наших дней сунские и юаньские сочинения. Материал в энциклопедии расположен в фонетическом порядке. Император одобрил работу в 1408 г., в 1421 г. тома рукописи были перевезены из Нанкина, где велась вся работа, в Пекин, в императорское книгохранилище. После дворцового пожара 1557 г. с энциклопедии сняли копию: работа по переписке продолжалась семь лет. Эта единственная копия хранилась в каменном здании исторического архива. Оригинал энциклопедии был утрачен уже в конце правления династии Мин, к судьбе копии энциклопедии мы еще вернемся.

XV в. в состав Академии стали вводить особо отличившихся на столичных экзаменах на высшую ученую степень. После трехгодичного совершенствования в области конфуцианской словесности они становились корректорами, редакторами, а затем тцецами и толкователями текстов, занимавшимися с императором. Академия превращалась в учреждение для подготовки интеллектуальной элиты для службы Государству. Здесь определялись темы экзаменационных сочинений, ее члены организовывали и проводили экзамены на право занятия чиновничьих должностей, обучали членов императорской фамилии, преподавали в Государственном училище Гоцзы-цзянь, контролировали деятельность прочих учебных заведений.

* Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Генезис и структура. Ч. 1. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2009. (Orientalia). С. 403–404.

Свергнувшая Мин маньчжурская династия Цин (1644–1911) повела себя в отношении Академии совершенно иначе, чем предыдущая — монгольская — иностранная династия. Первые маньчжурские императоры сделали необычайно много для сохранения и развития традиционной китайской культуры. При них при участии и под контролем академии Ханьлинь активизировалась подготовка литературных сборников, антологий, словарей, энциклопедий, библиографических изданий, исторических хроник. Академия стала органом литературной и театральной цензуры.

Цинские библиографы при подготовке новых сводов активно пользовались томами рукописной копии энциклопедии Юн-лэ. В правление пятого маньчжурского императора, правящего под девизом Юн-чжэн (собственное имя Иньчжэнь, 1678–1735 гг., на троне с 1722 по 1735 гг.), копия, из которой уже была утрачена десятая часть томов, была передана в академию Ханьлинь. Ее материалы активно использовались при составлении двух великих энциклопедий цинского времени.

«Гуцзинь тушу цзичэн», «Полное собрание книг древности и современности» — первая национальная энциклопедия Китая, сохранившаяся до наших дней в полном объеме, и самая большая из ныне существующих бумажных энциклопедий на Земле. Основной текст включает около 160 000 000 иероглифов. К ее созданию по указу императора Канси (собственное имя Сюаньэ, 1654–1722, на троне с 1662 по 1723 гг.) в 1701 г. приступил воспитатель наследного принца, за образец был взят минский свод. К работе были привлечены академики Ханьлинь, получившие право пользоваться императорской библиотекой. Закончена работа была при новом императоре Юн-чжэне, который одобрил ее после некоторого редактирования. В 1728 г. были отпечатаны 64 комплекта энциклопедии, второе издание в 1 620 томах осуществлено в 1884–1885 гг. в Шанхае тиражом 1 500 экземпляров, в XX в. дважды выходили

фотокопии первого издания. В отличие от фонетической системы «Юн-лэ дадянь», «Гуцзинь тушу цзичэн» построена по принципу рубрикации: свод разделен на шесть тем: небесные тела; земли; суждения о народах; естествознание; гуманитарные науки; дела правления.

В «Сыку цюаньшу» «Полное собрание книг по четырем разделам» входит огромное количество китайских текстов, распределенных по четырем рубрикам: Классики (литературный канон), История (исторические и географические трактаты), Мастера (философия, искусство, наука), Собрания (литературные произведения, не вошедшие в канон). Император Цянь-лун (собственное имя Хунли (1711–1799, на троне с 1736 по 1796 гг.) в 1773 г. поручил своим ученым отобрать книги на китайском языке, исключив тексты антиманьчжурской направленности. По своим масштабам этот проект должен был превзойти работу по составлению минской энциклопедии «Юн-лэ дадянь», из которой извлекались различные сочинения, но при этом далеко не все были включены в новый свод, особенно это касалось произведений, в которых затрагивались проблемы взаимоотношений китайцев с северными соседями. Таким образом, к 1875 году оставалось менее половины (около 5 000 томов) минской энциклопедии.

«Полное собрание книг» было закончено в 1782 г., издание насчитывало 36 381 том — приблизительно 800 млн. иероглифов. По приказу Цянь-луна почти четыре тысячи переписчиков сделали четыре копии книжного собрания для императорских библиотек в разных резиденциях и три для публичных библиотек в крупных нестоличных городах. Кроме того, для каждой из этих библиотек было изготовлено по экземпляру энциклопедии «Гуцзинь тушу цзичэн». Из семи копий «Полного собрания» две копии погибли во время восстания тайпинов (1850–1864), одна почти целиком сгорела в ходе Второй опиумной войны (1856–1860), четыре были повреждены

во время Второй мировой войны. Наиболее полная копия сохранилась в Запретном дворце. В 1980 г. были опубликованы ее фотокопии в 1500 томах, в настоящее время доступны на CD-ROM.

Более ста лет, прошедших после окончания работы над последней великой энциклопедии, академия Ханьлинь занималась рутинной работой, ее функции в это время сводились к организации экзаменов и обеспечению воспроизводства своих членов.

Трагедия случилась в 1900 г., во время т.н. Боксерского восстания или восстания ихэтуаней, имевшего антииностранный направленность. Непосредственной причиной трагедии можно считать то обстоятельство, что здание Академии и ее библиотека находились вблизи т. н. Посольского квартала китайской столицы, который подвергся осаде взбунтовавшихся против иностранного присутствия китайцев. Академия непосредственно соседствовала с британской дипломатической миссией.

Споры о том, почему сгорела Ханьлинь, не утихают до сих пор. Основная версия заключается в том, что в июне 1900 г. восставшие Боксеры и поддерживающие их в то время императорские войска атаковали иностранные кварталы Пекина. Стремясь вызвать панику среди иностранцев, они подожгли жилища китайцев в этом районе. Китайцы обвиняли англичан в поджоге библиотеки, англичане утверждали, что ветер отнес огонь от горящих китайских домов на Академию; из 25 ее зданий уцелело два. Англичане, чтобы спасти свое посольство, где нашли убежище и многие китайские христиане, вынуждены были обрушить соседние горящие здания.

Библиотека сгорела, отмечены неудачные попытки спасти книги. Как только стало возможно, англичане и другие иностранцы вошли в библиотеку и вынесли книги, оставшиеся нетронутыми, многие тома были взяты на память, как сувениры, какую-то часть из этих книг удалось вернуть. Известно также, что доски с вы-

резанными текстами, предназначенными для изготовления отпечатков, использовались для сооружения баррикад вокруг дипломатического квартала. Напомним, что осада продолжалась с июня по август, в квартале находилось около 900 дипломатов, была она снята войсковой операцией интернациональных сил Австро-Венгрии, Франции, Германии, Италии, Японии, России, Великобритании и США.

Парадоксально, но количественный и качественный состав академической библиотеки неизвестен, за исключением того, что там были оригиналы «Сыкучоаньшу» и оставшиеся тома «Юн-лэ да-дянь», очевидно, к тому времени не более шести сотен. Часть томов были вывезены в Европу, США и Японию. Сохранилось 349 томов, из которых в Китае осталось 285. В Национальной библиотеке Китая хранится 221 том, 11 томов находятся в собраниях Санкт-Петербурга. Китайские ученые инициировали большой международный проект по сбору и переизданию «Энциклопедии Юн-лэ», завершившийся в 2009 г. Сохранилось не более 4 процентов первоначального объема энциклопедии, и большая ее часть была уничтожена вовсе не западными варварами.

После снятия осады Посольского квартала император санкционировал копирование литературных сокровищ при императорской библиотеке в Нанкине. Более 2000 ученых приняли участие в поиске и копировании текстов.

Сама же Академия Ханьлинь была упразднена в 1911 г. указом новых республиканских властей. Поиск в принципах организации научных учреждений Китая нового времени следов старинной имперской Академии может стать предметом отдельного исследования. Библиографические же заслуги членов Академии огромны, но не может не вызвать сожаления, что гигантизм планов, подстегиваемый имперскими политическими амбициями, при исполнении каждого нового масштабного издательского проекта наносил невосполнимый ущерб предшествующему.

ПЕРВОПЕЧАТНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ КНИГА ИНДИИ

XVI–XVII вв.

В.В. Донских

В настоящее время подходит к концу работа над составлением ретроспективного библиографического указателя первопечатной христианской книги Индии XVI–XVII вв. По различным историческим источникам, каталогам и библиографическим указателям выявлено 55 уникальных изданий. Эти книги до сих пор не были предметом специального научного изучения и библиографического учета. Необходимо дать читателю предварительные сведения общего характера о первопечатных индо-португальских изданиях данного периода.

Если взглянуть на карту индийского субконтинента, то сразу бросается в глаза, что география размещения первых христианских книгоиздательских центров охватывала только западные прибрежные районы, от Гоа до Амбалакатты, и совершенно не включала внутренние регионы Индии.

Исторически книгоиздательская деятельность на территории Индии зародилась в Гоа — административной и духовной столице португальцев на западном побережье Индии в 1556 г. Заслуживает внимания и тот факт, что первоначально введение книгопечатания в регионе португальскими миссионерами 6 сентября 1556 г. не было вызвано даже потребностями распространения христианства. По воле случая корабль с печатным станком, предназначенным для миссионерской деятельности в Эфиопии, вынужден был прибыть в Гоа. Как бы то ни было, именно это событие считается исходной точкой в истории книгопечатания на территории индийского субконтинента.

Первой печатной книгой, изданной в Гоа в 1557 г. португальскими миссионерами-иезуитами на португальском языке, стала «*Doctrina Christa*» (Христианское Вероучение), написанная выдающимся

католическим проповедником и святым Франциском Ксаверием.

Апостол Индии и Японии святой Франциск Ксаверий (1506–1552) считается в Римско-Католической церкви самым успешным миссионером в истории христианства после апостола Павла. Он является небесным покровителем не только Гоа, но и всей Индии, а также Китая, Японии, Борнео, Новой Зеландии и Австралии. Многие католические храмы, университеты, школы, братства и конгрегации по всему миру названы в его честь. Его мощи находятся в усыпальнице кафедрального собора в Гоа и выставляются раз в 10 лет для всеобщего поклонения.

Святой Франциск Ксаверий вместе со святым Игнатием Лойолой является сооснователем Общества Иисуса, которое сыграло огромную роль в распространении христианства во всем мире. Еще при жизни святого Игнатия Лойолы (1491–1556) Орден иезуитов развернул широкую миссионерскую деятельность от Бразилии до Японии. С самого начала Общество Иисуса поставило перед собой глобальную задачу фундаментального изучения местных языков, традиций и обычаев и перевода основной христианской литературы на национальные языки.

«*Doctrina Christa*» представляет собой католический катехизис, содержащий основные христианские заповеди, догматы и молитвы. В катехизисе в краткой и легко запоминаемой форме излагаются доктринальные положения христианского учения, которые католические миссионеры распространяли по всему миру среди местного населения перед его крещением.

Структура «*Doctrina Christa*» в различных ее вариантах и объемах обычно включала следующие разделы католической до-

ктрины, касающиеся Крестного знамения и Святой Троицы, Символа Веры — *Credo in Deum*, Молитвы Господней — *Pater Noster* (Отче наш), Ангельского приветствия — *Ave, Maria* (Радуйся, Мария), Молитвы Ангела Господня — *Angelus* (Ангел Господень возвестил Марии), Декалога — десяти Божьих заповедей, заповедей Католической церкви, семи церковных таинств и девяти заповедей блаженств, божественных добродетелей, дел милосердия, смертных грехов и др.

Известно, что с 1556 по 1581 г. в типографии иезуитской коллегии апостола Павла в Гоа было опубликовано 8 печатных изданий в основном катехизисы и другая евангелическая литература: 5 книг на португальском языке и латыни; одна на эфиопском для иезуитской миссии в Эфиопии, вторая на конкани, диалекте маратхи и третья на тамили для обращения местного населения Южной Индии в христианство.

Под покровительством первого архиепископа Гоа Дона Гаспара де Лео на территории Гоа действовала еще одна типография, в которой с 1561 по 1573 г. были напечатаны 6 книг.

Самой ранней печатной книгой этого периода является «*Non nulla seraphici & deuotissimi Sancti Bonaventurae opuscula*», изданная в 1559 году в коллегии святого апостола Павла. Единственный сохранившийся до настоящего времени печатный экземпляр этой книги хранится в Публичной библиотеке города Эвора в Португалии.

В XVI веке на территории Малабарского побережья, южнее Гоа, действовали и другие христианские книгоиздательские центры и типографии. Так, Кочин и Куилон стали местом христианского книгопечатания на тамильском языке.

На конгрегации Общества Иисуса в Гоа в 1575 году было принято решение о печатании основных католических книг на индийских языках: 1) «*Confessionario*» — Руководства по исповеди, 2) Краткого католического катехизиса, 3) «*Doctrina Christa*» — Христиан-

ского Вероучения и 4) «*Flos Sanctorum*» (Цвет святых) — известного памятника западной средневековой агиографической литературы. Известный итальянский иезуит Алессандро Валиньяно, визитатор Индии и Японии (1573–1583) и провинциал Индии (1583–1587), поручил эту работу Хенри Хенриксу.

Хенри Хенрик (1520–1600) — португальский священник-иезуит и миссионер — посвятил свою жизнь проповеди христианства на юге Индии. Он в совершенстве овладел тамильским языком и издал несколько книг на тамили, включая и словарь. Хенри Хенрик считается первым европейским исследователем индийских языков, а также основателем тамильского книгопечатания.

В 1578 году Хенри Хенриком была издана переработанная на тамили «*Doctrina Christa*» Франциска Ксаверия, которая стала первой печатной книгой на индийских языках. В 1579 году в Кочине он издает большой катехизис «*Doctrina Christa*» Маркоса Йорге. В 1586 году было опубликовано самое значительное и объемное произведение Хенри Хенрика на 660 страниц — «*Flos Sanctorum*» (Цвет святых) на тамили. После его смерти христианское книгопечатание на тамильском языке было прекращено почти на 70 лет.

Возрождение христианского книгопечатания в Южной Индии на тамили связано с активной миссионерской деятельностью другого известного итальянского иезуита Роберто де Нобили.

Роберто де Нобили (1557–1656) — предтеча христианско-индуистского диалога и инкультурации — первым в истории Церкви попытался адаптировать христианство к традициям индуизма. Он считал миссионерский метод португальцев при обращении местного населения в христианство в принципе неправильным. Роберто де Нобили последовательно осуществлял метод инкультурации — вхождения христианского учения и церковной практики в традиционную культуру народов Индии.

Роберто де Нобили первым из европейцев с помощью брахманов в совершенстве изучил санскрит и смог прочитать священные книги индуизма — Веды. Он написал также около 40 христианских книг на тамили, телугу и санскрите (некоторые из них в поэтической форме), но напечатан был только его большой катехизис на тамили в 5 частях в Амбалакатте в 1677–1678 г. «Nanayupatecam = Catechismus P. Roberti Nobili, Tamulico idiomate scriptus».

Последней по времени книгой, изданной в Амбалакатте в 1680 году, стала грамматика тамильского языка «Arte Tamulica».

В XVII веке основным центром христианского книгопечатания в Индии стал Рачол, расположенный южнее Гоа. Именно здесь берет свое начало существующая и до настоящего времени традиция использования латинского шрифта для печатания книг на языке конкани.

Наивысший расцвет евангелической литературы в Индии был связан с миссионерской деятельностью английского иезуита Томаса Стефенса, которого по праву называют «отцом христианской литературы в Индии». Томас Стефенс (1549–1619) внес значительный вклад в распространение христианства в Индии и создание оригинальных христианских произведений на индийских языках конкани и маратхи.

Самое известное произведение Томаса Стефенса «Purana Christao» (Жизнь Иисуса Христа) было написано в традиционной индийской форме на конкани и маратхи и выдержало три издания. К сожалению, не сохранился ни один печатный экземпляр этой книги. В настоящее время имеются только рукописные варианты книги, на основе которых «Purana

Christao» была издана в печатном виде в Мангалоре (Индия) в 1907 г. Необходимо особо отметить, что «Purana Christao» использовалась в литургической практике католических церквей Гоа вплоть до XX века. Томасу Стефенсу принадлежит также первенство в издании первой печатной грамматики на индийских языках (конкани) в 1640 году — «Arte da lingoa Canarim».

Помимо Томаса Стефенса христианскую литературу на конкани и маратхи создавали и другие представители Общества Иисуса в Индии: Диего Рибейро — «Declaracam da Dovtrina Christam» (Изложение христианского вероучения). — Rachol, 1632 г.; Этьен де ла Круа — «Discursos sobre a vida do Apostolo Sam Pedro» (Проповеди о жизни Апостола Петра). — Goa, 1629–1634 г.; Антонио де Сальданха — «Padva mhallalea xarantuelea Sancto Antonichy Zivitua Catha» (Жизнь Святого Антония Падуанского). — Goa, 1655 г.; Мигуэль де Альмейда — «Jardim dos Pastores» (Сад Пастырей). — Goa, 1658–1659 г.; Жуан де Пендроса — «Soliloqvios Divinos» (Божественные диалоги). — Goa, 1660 г. и другие.

В 1684 году под давлением португальцев было принято специальное законодательное постановление вице-губернатора Индии графа Альвара, предписывавшее всем жителям Гоа перейти в течение трех лет на официальное и церковное использование португальского языка вместо местных языков. В результате этого закона христианское книгопечатание, в том числе и на местных языках, в Португальской Индии было прекращено. Таким образом, история первопечатной христианской книги в Индии охватывает период с 1557 по 1680 г.

МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ (1799–1805)

О.М. Федорова

«Книги, во оной хранимые, объемлют науки навигацкие, математические и военные, деяния исторические и описания странствий около шара земного. Славный академик и адмирал Шишков председательствовал оною при первых годах бытия ее».

Из воспоминаний современника

Развитие судостроения и кораблестроения в России в XVIII–XIX веках, становление Российского Военно-Морского Флота потребовало организовать подготовку кадров личного состава флота. Решение этой задачи Адмиралтейств-коллегией, впоследствии Адмиралтейским департаментом, сопровождалось изданием в России книг по морским наукам, судостроению, приобретением их за рубежом.

Почти 200 лет считалось, что Военно-морская библиотека в Санкт-Петербурге была основана в 1805 году, о чем писали ее историки и библиотекари, ссылаясь на Высочайше утвержденный доклад Комитета об образовании флота, учрежденного от 4 апреля 1805 г.

Суперэкслибрис Библиотеки Адмиралтейств-коллегии 1799 г.

В 1999 г. сотрудникам библиотеки удалось доказать более раннюю дату ее основания — 1799 год. Тогда при Адмиралтейств-коллегии был учрежден «Комитет для обсуждения вопросов по кораблестроению и мореплаванью». Комитет подчинялся Президенту Адмиралтейств-коллегии Императору Павлу I и вице-президенту Коллегии вице-адмиралу Н.С. Мордвинову. Комитет должен был издавать статьи и книги по морскому делу — навигации, кораблестроению, разведению лесов, а также переводить и печатать лучшие иностранные сочинения. Комитет был призван «отовсюду заимствовать и насаждать семена учения», занимался «рассматриванием всего, что нужно и чего недостает к сведению обо всяком мореходном искусстве».

В Комитет входили пять человек — вице-адмирал Александр Семенович Шишков, в 1800 г. временно исполнявший обязанности вице-президента Адмиралтейств-коллегии, капитан I ранга Платон Яковлевич Гамалея (1766–1817), два капитана I ранга Балтийского гребного флота Егор Михайлович Рябинин и Алексей Михайлович Корнилов, корабельный мастер Василий Михайлович Сарычев. Комитет включал также «корабельного подмастерья ... для черчения», переводчика, двух штурманов, умеющих рисовать, двух писарей, — всего 11 человек¹.

При Комитете сразу же начали собирать коллекцию книг по морской тематике, положившую начало первой Морской библиотеке Санкт-Петербурга.

О существовании в Адмиралтейств-коллегии библиотеки до 1805 г. упоминает и А.С. Шишков в предисловии к своим «Морским запискам»: «Для ежедневного, или по крайней мере трехдневного в неделю собрания сего Комитета, нужно при Коллегии отвесь пристойные покои, в которых бы оный заседания и упражнения свои иметь мог, и в сих покоях должна помещена быть составленная из морских иностранных и Российских книг Библиотека».

Морскую библиотеку поместили в здании Адмиралтейства, хотя сама Адмиралтейств-коллегия в эти годы размещалась в доме графа И.Г. Чернышева, вице-президента Адмиралтейств-коллегии в 1769–1797 гг.²

Можно высказать предположение, что из пяти членов Комитета основную научную работу вели именно А.С. Шишков (выдающийся военно-морской историк, известный литератор своего времени, автор «Трехязычного морского словаря» (1795) и «Морского словаря» (1832–1840), впоследствии, в 1824–1828 гг. министр народного просвещения), и П.Я. Гамалея (преподаватель математики, морской практики и теории морского искусства в Морском кадетском корпусе). Только они были постоянными участниками Комитета на протяжении всего периода его существования с 1799 по 1805 г. Шишков и Гамалея были членами двух Академий: Императорской Академии наук и Императорской Российской Академии, кому, как не им было собирать Морскую библиотеку, понимая всю ее важность и значение для развития морского дела в России.

Вице-адмирал А.С. Шишков, руководя Комитетом, занимался в частности финансовой стороной его деятельности, т. к. именно он давал отчет о расходовании средств на нужды Ученого комитета в 1802 г.³

Кавалер орденов св. Анны II ст., св. Георгия IV ст., св. Иоанна Иерусалимского капитан А.М. Корнилов вряд ли мог планомерно заботиться о библиотеке: он был

занят непосредственной морской службой и в 1799–1800 гг., командуя эскадрой, производил маневры против Петергофа⁴. Его послужные списки не содержат даже упоминаний о членстве в Комитете 1799 г.

Другой капитан — Е.М. Рябинин, флигель-адъютант вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа И.Г. Чернышева, участвовал в русско-шведской войне, командовал шебекой «Летучая» в Роченсальмском сражении 1789 г. В 1790 г. участвовал в Выборгском и вторым Роченсальмском сражении, попал в плен. В 1798 г. стал капитаном I ранга. Командор Рябинин, занимаясь с 1797 г. научной работой при чертежной (в частности, перевел и исправил книгу «Факел морской»), вполне мог бы содействовать созданию библиотеки, но в 1800 г. он вышел из Комитета и опять был определен во флот⁵.

Сохранились в архиве и отдельные документы, относящиеся к деятельности библиотеки и непосредственно к покупке книг, например «Представление интендантской экспедиции в Адмиралтейств-коллегию о передаче в Комитет при коллегии книг для создания библиотеки» от 11 сентября 1800 г., в котором сказано: «Интендантская экспедиция определили об отпущенных из здешних экипажеских магазин в оный Комитет для составления библиотеки разных по приложенному при сем реестру книгах, в сей Комитет для сведения сообщить». В реестре книг указаны регламенты Адмиралтейств-коллегии, морской устав на русском языке, английский и голландский шкиперские регламенты, «Книга корабельная молитвенная», «Трактат между Россиею и атаманскою Портою» (т. е. Оттоманскою Портою — О.Ф.), сигнальные книги, лоции, список кораблей⁶. В библиотеке Комитета почти треть фонда составляли учебники и справочная литература, возможно, в этом сказалось влияние П.Я. Гамалеи — преподавателя и автора ряда учебников, по которым училось несколько поколений морских офицеров.

В начале царствования императора Александра I произошла реорганизация морского ведомства и в 1802 г. Адмиралтейств-коллегия, созданная еще Петром I, была выведена из непосредственного подчинения Правительствующему Сенату. Вместо коллегий были образованы министерства, а Адмиралтейств-коллегия разделилась на две части — военную и художественную. Последняя (состоявшая из ученой и строительной части) в 1805 г. была преобразована в Адмиралтейский департамент, подчиненный министру военных морских сил. Таким образом, Адмиралтейств-коллегия потеряла свою самостоятельность и стала совещательным собранием в ведении военно-морского министра. В этом качестве она просуществовала еще до 1827 г. Первым министром военных морских сил в 1802 г. был назначен вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Н.С. Мордвинов, пробывший на этом посту всего 3 месяца. Далее его обязанности исполнял товарищ министра морских сил П.В. Чичагов, который только в 1807 г. был утвержден в звании министра. Его управление продолжалось до 1809 г., когда его сменил адмирал маркиз И.И. де Траверсе (в 1809–1811 гг. управляющий министерством, с 1811 по 1827 гг. министр военных морских сил)⁷.

К 1803 г. Комитет, образованный в 1799 г., теперь уже под названием «Учрежденный при Адмиралтейств-коллегии комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» состоял всего из трех участников — А.С. Шишкова, П.Я. Гамалея и корабельного мастера В.М. Сарычева. В 1804 г. в состав комитета был введен математик, физик, член Императорской Академии наук Л.Ю. Крафт, а в 1805 г. В.М. Сарычев, получивший чин коллежского асессора, выбыл из Комитета, став директором кораблестроения в Интендантском отделении Хозяйственной экспедиции⁸.

В 1805 г. был создан Адмиралтейский департамент, подчинявшийся непосред-

ственно П.В. Чичагову. Департамент состоял из 4 неперенных членов, которые представлялись морским министром и утверждались императором, и неограниченного числа почетных членов, избравшихся общим собранием департамента и утвержденных министром.

В 1805 г. в Адмиралтейский департамент вошли все оставшиеся участники Комитета 1799 г.: вице-адмирал А.С. Шишков, капитан-командор П.Я. Гамалея — неперенными членами, а академик Л.Ю. Крафт — почетным членом. Таким образом, видя преемственность членов Комитета 1799 г. и Адмиралтейского департамента, можно утверждать, что Адмиралтейский департамент вырос на базе Комитета, тем более, что их задачи были сходными. К ведению департамента относилось снабжение флота навигационными документами, книгами, картами, попечение о морских описях, составление и издание морских книг и карт, надзор за морскими учебными заведениями, издание повременных записок, начатых в 1800 г. адмиралом Шишковым.

Помимо них в разные годы неперенными и почетными членами Адмиралтейского департамента были выдающиеся моряки и гидрографы: капитан-командоры В.М. Головин, И.Ф. Крузенштерн, Ф.Ф. Беллинсгаузен, полярный исследователь вице-адмирал Г.А. Сарычев, начальник Морского штаба, управляющий Морским министерством адмирал А.В. фон Моллер.

Кроме Крафта, в департамент входили еще четверо известных ученых своего времени: вице-президент Императорской Академии наук С.Я. Румовский; академик по физико-математическому отделению Императорской Академии наук С.Е. Гурьев; выдающийся астроном и географ, член Императорской Академии наук Ф.И. Шуберт; доктор философии, член Императорского Московского Общества испытателей природы и Парижской Академии П.А. Рахманов, издатель «Военного журнала», участник

Отечественной войны, погибший под Лейпцигом в 1813.

Департамент включал еще несколько менее известных, но своеобразных и интересных личностей: вице-президента Императорской Академии Художеств, писателя-мистика и масона А.Ф. Лабзина; директора Музея и библиотеки Адмиралтейского департамента майора К.К. де Местра; французского корабельного инженера на русской службе генерал-майора Я.Я. Брюн Сент-Катерина; член-корреспондента Императорской Академии наук инженера-путейца Л.С. Вакселя; автора «Морского словаря» полковника С. де ла Кудре.

Почетным иностранным членом Адмиралтейского департамента в 1807–1812 гг. был профессор высшей математики Парижской Политехнической школы и Центрального училища Л.Б. Франкер, естествоиспытатель и музыковед, член-корреспондент Императорской Академии наук и многих научных иностранных обществ. В 1812 г. его исключили из членов департамента по политическим соображениям, в связи с невозможностью членства в военном учреждении России представителя враждебной Франции.

Правителем канцелярии и ученым секретарем был назначен член Императорской Российской Академии писатель А.С. Никольский, автор учебника для морских училищ «Основания российской словесности».

Все они или сами дарили в библиотеку книги (как свои, авторские, так и просто купленные для нее) или помогали приобретать литературу за границей.

К Адмиралтейскому департаменту были присоединены — Морская типография, до того находившаяся в ведении Морского корпуса и, основанный еще Петром I Музей, существовавший при морском ведомстве с 1709 г. В деле «О рассмотрении нового положения о Музее» имеется ссылка на высочайше утвержденный доклад Комитета, для образования флота учрежденного, от 4 апреля 1805 г.: «Департамент иметь будет свой

Muzeum, в котором собраны будут все любопытнейшие сочинения, библиотеку его составлять должны существующие; Кабинет редкостей, машин, моделей, Физических, Математических и Астрономических инструментов, и в который всякий, с дозволения его [т. е. Департамента], входить и пользоваться чтением книг и рассматриванием вещей может». В 1805 г. был определен и штат музея: «Ныне находятся при Музее директор и при нем три помощника, из коих два помощника при библиотеке, а один помощник есть хранитель моделей, чертежей и редкостей»⁹. На содержание служащих и пополнение музея и библиотеки ежегодно с 1805 г. выделялось по 10 000 руб., причем жалование директора составляло 2 000 руб.

Следовательно, 4 апреля 1805 г. — это дата реорганизации уже существовавших в морском ведомстве музея и библиотеки и подчинения их Государственному Адмиралтейскому департаменту. С того же 1805 г. разрешено было не только морским офицерам, но и штатской публике посещать музей. В 1805 г. в составе Адмиралтейского департамента был образован комплекс — музей, библиотека, собрание предметов по естественной истории и другие редкости (кабинет редкостей), модель-камера и чертежная (была отделена в 1810 г.) — все они ранее принадлежали Адмиралтейств-коллегии, существовавшей с 1717 г. Помимо книг, различных предметов насчитывалось 1 025 экземпляров¹⁰.

В 1805 г. П.В. Чичагов назначил директором Музея графа Ксавье де Местра, который представил 10 июля 1805 г. «...ропись всем вещам и книгам, составлявшим прежде сего Морскую разноязычную библиотеку... хранившуюся в бывшем при Государственной Адмиралтейств-коллегии Ученом комитете, а ныне поступившим в Музеум»¹¹. В описи значились книги на русском, французском, немецком, голландском, английском языках и латыни — всего 134 сочинения в 215 томах, из которых русских книг было лишь 37.

Позднейшие источники называли Морскую библиотеку 1799 г. незначительной и не заслуживающей внимания, и долгое время датой основания Морской библиотеки считался 1805 г., что было не совсем справедливо. Библиотека Комитета 1799 г. существовала и этого нельзя отрицать. Хотя она и не была официально учреждена ни одним государственным документом, существуют упоминание о ней А.С. Шишкова, реестр книг, купленных в 1800 г., опись книг, принятых де Местром в 1805 г. и кроме того, сами книги, до сих пор сохранившиеся в фондах ЦВМБ. И даже по приведенному выше штату на библиотеку в 1805 г. выделялось два помощника директора, а хранитель моделей и редкостей был только один, что, несомненно, свидетельствует как о значимости библиотеки, так и о большом объеме работы выдававшего книги библиотекаря, по сравнению с хранителем редкостей.

Конечно, 215 томов это не очень много, тем не менее, библиотека существовала и работала на нужды флота. Она найдена (хотя пока и не полностью) и выделена в отдельную коллекцию. Все книги Морской библиотеки в добротных и примерно однотипных кожаных переплетах, на верхней крышке которых вытиснен золотом суперэкслибрис, заключенный в овал — двуглавый орел с крестом командора ордена Св. Иоанна Иерусалимского (т. е. мальгійский крест с короной) и надписью «Печать комитета, учрежденного при Адмиралтейств-коллегии 1799 года декабря 25 дня». Это свидетельство самих книг отодвигает дату основания нашей библиотеки на 6 лет.

С первых лет своего существования библиотека комплектовалась в основном иностранной литературой, что объяснялось малым количеством издававшихся в России книг по морскому делу, несмотря на то, что Комитет при Адмиралтейств-коллегии должен был публиковать и переводить с иностранных языков книги по мореплаванию и кораблестроению.

Большинство этих книг — первые (иногда вторые) издания, часто вышедшие при жизни авторов, примерно половина из них издана в 1790-е годы на французском, английском, немецком, голландском, латинском и русском языках. На книгах нет владельческих надписей или экслибрисов других библиотек, показатель того, что они не были дарами участников комитета из их личных собраний, а покупались у книгопродавцев специально для Морской библиотеки, как о том свидетельствует упомянутый выше реестр 1800 г.

Библиотека 1799 г. отличалась хорошим подбором фундаментальных трудов по алгебре, геометрии, фортификации, гидротехнике, навигации, кораблестроению и морскому делу, авторами которых являлись известные ученые второй половины XVIII — начала XIX вв. — Исаак Ньютон, Этьен Безо, Бернар Белидор, Джон Бонни-Кастл, Шарль Боссю, Сильвестр Лакруа, Колин Мак-Лаурин, Шарль Мандар.

Учебники лучших современных авторов обеспечивали офицерам флота базовые специальные знания.

Еще больше учебников по морскому делу — «Трактат об устройстве и движении корабля» Пьера Букэ (1698–1758), французского гидрографа и математика, члена Парижской Академии Наук; «Морская тактика» Джона Клерка (ум. 1812), английского инженера-изобретателя, разработавшего теорию морской тактики, которую с успехом применял и Нельсон; «Принципы навигации» Винсента Дюлага (1729–1805) французского гидрографа, члена Руанской Академии наук; «Военно-морское искусство» Себастьяна Морогэ (1705–1781), французского моряка, создавшего в 1749 г. в Бресте Академию морских наук; «Трактат о кораблестроении» Франсуа Майнц де Гуампи (1729–1789), французского астронома и моряка; «Наука о мореходстве» и «Теория постройки и маневров корабля» одного из самых замечательных геометров нового

времени, академика Санкт-Петербургской Академии Наук Леонарда Эйлера (1707–1783).

Из описаний путешествий самые интересные — плавания Л.А. Бугенвиля на «Будез» и «Этуаль» в 1766–1769 гг., все три плавания Джеймса Кука в переводе на французский язык вместе с прилагаемыми атласами и любопытным редким изданием «Повествование Омаи, таитянина», спутника Кука (Париж, 1790); прижизненное издание (1751) «Кругосветного плавания» Дж. Ансона (1697–1758), английского флотоводца и капера; «Кругосветное плавание Дж. Диксона» (1755–1800), исследовавшего моря между Азией и Северной Америкой; путешествие в Гудзонов залив для отыскания северо-западного прохода Генри Эллиса (1721–1806) и др.

Третья относительно большая группа книг — словари и справочники: «Словарь морских терминов» (1702) Николая Обена; три тома «Математики» Ж. д'Аламбера и «Энциклопедический морской словарь», инженера и военного моряка О.С. Виаля де Клербуа (1733–1816), входящие в состав «Энциклопедии наук, искусств и ремесел» Д. Дидро и Ж. д'Аламбера, «Англо-французский морской словарь» Даниэля Лекалье (1743–1822), французского администратора морского флота.

Хотя еще не все 215 томов Морской библиотеки найдены в фондах ЦВМБ, можно сказать, что она еще до 1805 г. была неплохо укомплектована, особенно в части точных, морских и географических наук. Приведенные названия книг свидетельствуют о целеустремленном и неслучайном подборе литературы вполне соответствующей профилю морского книгохранилища.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII

до начала XIX столетия. Т. 3 / Ф.Ф. Веселаго. СПб., 1882. С. 822; Шишков А.С. Морские записки или собрание всякого рода, касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых учрежденным при Государственной Адмиралтейской коллегии Комитетом. Ч. 1. СПб., 1800. С. 6–7.

² Каталог библиотеки Морского Министерства. СПб.: Тип. Морского министерства, 1862. С. 3.

³ РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1451 «Представление счетной экспедиции» (1802).

⁴ Месяцослов с росписью чиновных особ Российской империи... СПб., 1802. С. 117; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 2042 «Послужной список гребного флота капитана 1 ранга и кавалера А.М. Корнилова» (1799). Л. 2–3.

⁵ Общий морской список. Ч. IV. СПб., 1890. С. 707; Месяцослов с росписью чиновных особ Российской империи... СПб., 1802. С. 117; 1803, 1804.

⁶ РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1447 «Представление интендантской экспедиции в Адмиралтейств-коллегию о передаче в Комитет при коллегии книг для создания библиотеки» (1800). Л. 1–2.

⁷ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского Министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб., 1902. С. 31–33, 53–54.

⁸ Месяцослов с росписью чиновных особ Российской империи... СПб., 1802, 107–109; 1803–1805.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVIII.: 1804–1805. СПб., 1830. С. 961; РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 573 «О рассмотрении нового положения о Музее» (1805; 1820). Лл. 10–11.

¹⁰ Каталог... 1862. С. 2.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 521. «Роспись всем вещам и книгам, составлявшим Морскую разноязычную библиотеку при Государственной Адмиралтейств-коллегии Ученом комитете» (1805).

О МЕМОРИАЛЬНОМ КНИЖНОМ СОБРАНИИ В.В. ДАНИЛЕВСКОГО В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ СПбФ ИИЕТ

С.И. Зенкевич

Видный советский историк техники, автор более 1200 научных трудов, академик АН УССР, дважды лауреат Сталинской премии Виктор Васильевич Данилевский (1898–1960)¹ известен и как библиофил, обладатель огромной коллекции книг по истории различных областей науки и техники (в 1949 г. он был избран почётным членом секции коллекционеров Ленинградского Дома учёных²). После его смерти книжное собрание было передано в библиотеки: часть его попала — в Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина³, где учёный работал с 1936 г.⁴, самая же большая коллекция в настоящее время хранится в научной библиотеке Санкт-Петербургского филиала (до 1991 г. Ленинградского отделения) Института Истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова.

Библиотека Данилевского — неединственное мемориальное книжное собрание, вошедшее в фонд библиотеки СПбФ ИИЕТ, но самое обширное — порядка 2,5 тыс. ед.⁵

Личное собрание В.В. Данилевского поступило в библиотеку ЛО ИИЕТ в конце 1963 г., через три года после смерти учёного. В инвентарные книги библиотеки коллекция внесена единым массивом (№№ 5209–7751). Первая запись о поступлении книг из собрания В.В. Данилевского не датирована⁶, как и следующие за ней записи. Последняя указанная перед библиотекой В.В. Данилевского дата — это декабрь 1963 г.⁷ Внесение без дат книг из личного собрания продолжается и в следующей инвентарной книге⁸; уже после окончания библиотеки В.В. Данилевского ближайшая дата 2 января 1964 г.⁹

В библиотеке коллекция располагается также единым массивом на отдельных антресолях в закрытых шкафах. Вся личная библиотека целиком отражена в топографическом каталоге, кроме того

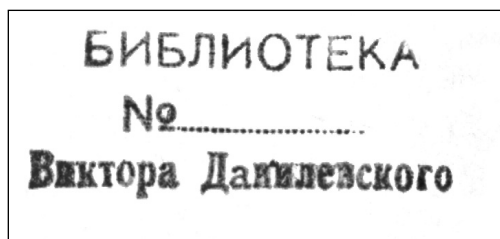

Рис. 1. Штамп на книгах из библиотеки В.В. Данилевского

книги внесены в алфавитный и систематический каталог.

Книги из мемориального собрания помечены. Как правило, на них имеется штамп: «БИБЛИОТЕКА №... Виктора Данилевского» (рис. 1). Судя по тому, что номер нигде не проставлен, возможно, книги были проштампованы одновременно и спешно, может быть, даже не самим владельцем, а в более позднее время. В отдельных случаях на форзацах проштампованных книг встречается автограф В.В. Данилевского (рис. 2).

На некоторых книгах (например: *Стойкович, Афанасий. О воздушных камнях и их происхождении. Харьков: Университетская типография, 1807; Вельяшев-Волынец Д. Словарь математических и военных наук. Ч. 2. Т. 3: М–Q. СПб.: Типография Шнора, 1808*) имеется экслибрис «Из книг В.В. Данилевского».

Собрание открывают отдельные труды самого В.В. Данилевского. Это (в хронологическом порядке): Белый уголь / авториз. пер. со 2-го укр. изд. М. Радовского. Л.: Лениблиздат, 1931; История корабля / авториз. пер. со 2-го укр. изд. М. Радовского. Л.: Лениблиздат, 1932; Очерки истории техники

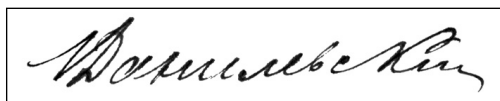

Рис. 2. Автограф В.В. Данилевского

XVIII–XIX вв. М.; Л.: Госсоцэкгиз, 1934; Старые крепости Крыма. М., 1938 (в соавт. с Ф.И. Каратуном); История гидросиловых установок России до XIX века. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1940; Д.И. Менделеев и Урал. Свердловск: Огизсвердлгиз, 1944; Великий новатор. Александр Степанович Попов. 1859–1906. Молотов: Молотовское книжное изд-во, 1945; Творец паровой машины Ползунов. [М.]: «Молодая гвардия», 1947; Русские новаторы в мировой технике. М.: [Правда], 1947; Михаил Васильевич Ломоносов. Л.: Тип. им. Володарского, 1948. Также это издания на украинском и болгарском языках: Нариси з історії техніки. [Одесса], 1928; Нарис історії розвитку продуктивних органів суспільної людини. (Спроба матеріалістичної історії техніки). Харків: Державне видавництво України, 1929; Винайдено в Росії. Київ: АН УССР, 1951; 3 історії вітчизняної техніки. Київ, 1951; Изобретено в Русия. [София], 1952. Другие труды В.В. Данилевского — монографии и брошюры — расположены в фонде в соответствии с тематическим принципом расстановки, принятым в библиотеке СПбФ ИИЕТ.

Собрание В.В. Данилевского можно разделить на несколько разделов: история промышленности, транспорта, зодчества, открытий и изобретений, предприятий и учреждений, материалы съездов и симпозиумов. О широте охвата дисциплин, интересовавших лекционера, можно судить по разделу *Personalia*. Вот некоторые примеры: *Чугаев Л.А.* Дмитрий Иванович Менделеев. Жизнь и деятельность. Л.: Науч. хим.-техн. изд., 1924; *Рынин Н.А.* Русский изобретатель и ученый Константин Эдуардович Циолковский. Л.: Профинтерн, 1931; *Головин Г.И.* А.С. Попов — изобретатель радио. Жизнь и деятельность. К 50-летию изобретения радио. М.: Связьиздат, 1945; *Добровольский А.Д.* Адмирал С.О. Макаров: путешественник и океанограф. К столетию со дня рождения. М.: Географгиз, 1948; *Рубцов Н.Н.* В.П. Екимов и П.К. Клодт —

выдающиеся мастера русского художественного литья. М.: Машгиз, 1950; *Виргинский В.С.* Русские изобретатели Черепановы и их роль в развитии горно-металлургического производства. М.: Знание, 1952; *Прокудин Ю.Н.* Выдающийся русский ботаник XIX столетия В.М. Черняев. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та им. М. Горького, 1953; *Тумарев А.С.* Александр Александрович Байков — выдающийся металлург и химик. М.: Металлургиздат, 1954 и мн. др.

В собрании находится большое количество работ по естествознанию, что очень существенно с учётом специфики института, одна из областей исследований которого история естествознания. Здесь представлено, например, более десяти трудов К.А. Тимирязева. Некоторые работы характеризуют эпоху и, так сказать, политкорректность В.В. Данилевского: в его библиотеке есть труды: *Лысенко Т.Д.* Новое в науке о биологическом виде. М.: Гос. изд-во с.-х. лит-ры, 1952; Трофим Денисович Лысенко / вступит. статья И.Е. Глушенко; сост. А.П. Епифанова. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Собрание В.В. Данилевского включает несколько ценных изданий XVIII века. Среди них: Указы великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны и государя императора Петра Второго, состоявшиеся с 1725 января с 28 числа по 1730 год. СПб.: ИАН, 1743; Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. 4. СПб.: ИАН, 1766; *Штурм Л.Х.* Совершенное описание строения мельниц / пер. с нем. А. Тейльса. М.: Сенат. тип., 1782; *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Ч. 3. СПб.: ИАН, 1784; Познание строения подводных укреплений в наставление помещику и селянину / пер. с нем. Н.Б. СПб.: Типография И.К. Шнора, 1795; *Tables chronologiques, qui embrassent toutes les parties de l'histoire universelle, année par année*¹⁰. Paris: Chez Henri Agasse,

Libraire, 1795. Пометы (например, на форзаце книги Л.Х. Штурма) указывают на то, что в коллекцию В.В. Данилевского эти книги попали из других частных собраний.

Книжные пометы на некоторых изданиях коллекции представляют собой своего рода документы эпохи. Так, на авантитуле книги А. Максимовича «Практическая подземная геометрия. С присовокуплением Дюгамелевых таблиц» (СПб.: ИАН, 1805) находится дарственная надпись от руки чернилами:

«Воспитанник Горного Кадетского Корпуса из 6-го класса Иван Лисенко, за отличное поведение и весьма хорошие успехи, оказанные в Дифференциальных и Интегральных исчислениях, Поэзии, Архитектуре, Физике и Артиллерии, очень хорошие в Французском и Немецком языках и Минералогии, награжден книгою: Подземную Геометрию Максимовича, на публичном экзамене, производившемся 11-го июля 1825 года. Управляющий (подпись неразборчивая)».

Эта дарственная надпись не только позволяет проследить судьбу книги и пути формирования частной книжной коллекции, но и является штрихом к истории Горного училища (Горного кадетского корпуса) в Санкт-Петербурге¹¹: показывает, например, что учащимся читались курсы поэзии и архитектуры!

В собрании В.В. Данилевского можно обнаружить не только книги по самым разным областям истории техники, но также такие издания, которые не имеют прямого отношения к технике и свидетельствуют о широте общенаучных интересов коллекционера — его внимании к литературоведению и истории. Это, например, отдельные тома «Критико-биографического словаря русских писателей и учёных (от начала русской образованности до наших дней)» С.А. Венгера (СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1891–1895), исследование В.В. Сиповского «Из истории русского романа и повести» (СПб.: ИАН, 1903); работы В.П. Бузескула: Открытия XIX и на-

чала XX века в области истории Древнего мира. Ч. 1: Восток. Пг.: Academia, 1923; Ч. 2. Древнегреческий мир. Пг.: Academia, 1924; Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Также это два важных для истории изучения древнерусской литературы труда Д.С. Лихачёва: Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947; Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Книги из собрания В.В. Данилевского в библиотеке СПбФ ИИЕТ и на сегодняшний день очень востребованы — к ним постоянно обращаются читатели.

В настоящее время в библиотеке СПбФ ИИЕТ готовится к изданию каталог мемориального книжного собрания «Библиотека В.В. Данилевского», в котором по плану будут отражены, в том числе, и различные книжные пометы.

Автор выражает признательность за ценные рекомендации по работе с источниками Анне Арефьевне Балакиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О В.В. Данилевском см.: *Шухардин С.В.* В.В. Данилевский // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1961. Вып. 11. С. 192–195; *Чепарухин В.В.* Виктор Васильевич Данилевский — учёный, библиофил, человек (по архивным материалам) // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Материалы VII Международной конференции. СПб., 1999. С. 72–75; *Гвоздецкий В.Л.* Учёный и время (к 100-летию со дня рождения В.В. Данилевского) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 112–125.

² См.: *Чепарухин В.В.* Указ. соч. С. 74.

³ Сейчас Санкт-Петербургский Государственный технический университет.

⁴ См.: *Чепарухин В.В.* Указ. соч. С. 75.

⁵ См.: *Ретунская С.В., Зенкевич С.И.* К юбилею Санкт-Петербургского филиа-

Из истории библиотек

ла Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: научная библиотека института // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 72.

⁶ Библиотека ЛО ИИЕТ. Инвентарная книга № 2. Книги отечественные. № 2971 — № 5878. С. 154.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Библиотека ЛО ИИЕТ. Инвентарная книга № 3. Книги отечественные. № 5881 — № 8860. С. 1–64.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Хронологические таблицы, которые охватывают все этапы всеобщей истории, год за годом (франц.)

¹¹ Ныне Национальный минерально-сырьевой университет «Горный».

ЕВГЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА СУХМАНЕВА

Н.В. Бекжанова, В.Б. Лазуркина, И.Н. Комарова

В Библиотеке РАН помнят и высоко ценят старшего научного сотрудника Отдела научной систематизации литературы Евгению Георгиевну Сухманеву, ее научное и творческое наследие.

Родилась Евгения Георгиевна в 1931 г. в селе Воронцово-Александровское в семье агрономов. Ее мать, Хлытчиан Изабелла Матвеевна, была двоюродной сестрой известной писательницы Мариэтты Шагинян. Двоюродные сестры Евгении Георгиевны были преподавателями танца — одна в Вагановском училище, другая — в Институте культуры, двоюродный брат Евгении Георгиевны — знаменитый солист Мариинки Святослав Кузнецов.

В 1947 г. Евгения Георгиевна окончила 8 классов Пятигорской средней школы и в 1948 г. поступила в Ессентукский краевой библиотечный техникум. По его окончании работала в Ново-Пятигорской, а затем Красно-Слободской библиотеках Пятигорска.

В 1952 г. она поступила в Ленинградский библиотечный институт, который окончила в 1957 г. по специальности «Библиотечное дело и библиография научных и массовых библиотек». 20 марта ей была присвоена квалификация «библиотекарь-библиограф высшей категории». Во время обучения она работала в библиотеке клуба завода им. Н.Г. Кожицкого, где занималась составлением каталогов, описанием литературы, тем же позднее занималась в отделе обработки во ВСЕГЕИ.

После окончания института Евгения Георгиевна вернулась в Пятигорск, где первое время заведовала читальным залом Городской центральной библиотеки, а затем работала библиографом-библиотекарем в Пятигорском бальнеологическом институте.

В октябре 1960 г. Евгения Георгиевна переехала в Свердловск, где работала до 1969 г. в библиотеке Уральского фи-

лиала АН СССР. Там в должности старшего, а затем главного библиографа она занималась редакцией систематического каталога. Именно здесь началось формирование Евгении Георгиевны как высокоэрудированного специалиста-систематизатора. В этот период она публикует свои первые статьи¹, посвященные вопросам индексации и фасетной классификации. В своих работах она рассматривает возможности аналитико-синтетической фасетной классификации для оптимизации информационно-поисковых языков традиционного типа, в частности Библиотечно-библиографической классификации.

В 1964–1969 гг. Евгения Георгиевна обучалась в заочной аспирантуре Ленинградского института культуры, где в 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие теории и методов многоаспектной классификации». Ей была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук.

В сентябре 1969 г. Евгения Георгиевна поступила на работу в БАН на должность старшего редактора в Отдел научной систематизации литературы. И здесь она

продолжила свои научные изыскания. Исследования Е.Г. Сухманевой в систематическом каталоге БАН велись по четырем основным направлениям:

– теория и методы фасетной классификации, фасетизация ББК и других традиционных ИПЯ;

– опыт использования и оптимизации ББК;

– индексация библиотечных классификаций и индексирование документов в научных библиотеках;

– использование ББК при составлении библиографических пособий.

Одновременно, в соответствии с «Программой оптимизации ББК», над которой сотрудники отдела работали совместно со своими коллегами из ГБЛ и ГПБ, под руководством Евгении Георгиевны проводились исследования и составлялись варианты фасетных ББК по ряду разделов естественных наук (астрономии, биологии, химии, геологии и др.).

В 1977 г. она была избрана на должность старшего научного сотрудника. Практически Евгения Георгиевна являлась научным руководителем отдела. В 1983 г. под ее руководством коллектив сотрудников-биологов ОНСЛ подготовил рукопись «Фасетизированная ББК по Отделу “Е Биологические науки”»², которая, к сожалению, не была издана, но активно использовалась в дальнейшем при работе над переизданием выпуска VI «Е Биологические науки».

Основной целью этой работы было создание классификации, отвечающей по своему научному содержанию и аналитико-синтетической структуре требованиям, предъявляемым к информационно-поисковым языкам в традиционных и автоматизированных информационно-поисковых системах с целью максимального удовлетворения многоаспектных запросов читателей научных библиотек.

Впервые в отечественной практике была поставлена задача экспериментального составления аналитико-синтетической (фасетной) классификации целого комплекса знаний — биологические на-

уки. Категориальный анализ комплекса биологических наук производился в режиме универсальной классификации, что также осуществлялось впервые, если не считать Универсальной классификации Ш.Р. Ранганатана, биологические науки в которой разработаны недостаточно детально.

С целью усовершенствования терминологии таблиц был произведен сравнительный анализ ББК и УДК. Результаты этой работы участниками проекта были описаны в публикациях, в которых они рассматривали достоинства и недостатки каждой из классификаций³.

Помимо сотрудников отдела, в работе принимали участие также ученые-биологи из различных учреждений Академии наук (ФИН, БИН, ЗИН, ЦИН, ИЭФ) и кафедр ЛГУ (биохимии, генетики, гистологии, дарвинизма, эмбриологии и др.), консультации которых должны были обеспечить соответствие разрабатываемого варианта классификации уровню развития науки. Привлечь и скоординировать усилия многих участников проекта помогали свойственные Евгении Георгиевне необыкновенная энергия и энтузиазм. Характерное ей своеобразное чувство юмора очень помогало при общении с таким большим количеством ученых. Было заметно, что общаются они с ней с удовольствием. Эти консультации наряду с консультациями ученых из научных учреждений и вузов Москвы легли в основу нового варианта таблиц по биологии, составленных в 1988 г. и АПУ к ним⁴.

Подготовленный экспериментальный фасетизированный вариант по биологическим наукам дает возможность точно систематизировать многоаспектные и узкие по содержанию произведения печати, что служит получению более точного ответа на запросы читателей научных библиотек.

Евгения Георгиевна отличалась нестандартностью мышления и поведения. Будучи человеком очень ответственным, она с энтузиазмом бралась за

каждое порученное ей дело. Возглавляя группу народного контроля отдела, она скрупулезно записывала, сколько минут сотрудник отсутствовал на рабочем месте, вела график с тремя колонками: «пришла, ушла, итог». Например, в одном случае в итоге было отмечено: «общее отсутствие на рабочем месте 31 минута».

Е.Г. Сухманева принимала активное участие в работе Проблемного совета при Министерстве культуры СССР по вопросам классификации, выступала с докладами на теоретических конференциях и совещаниях по специальности. Например, в 1976 г. благодарственным письмом, направленным на имя директора БАН из Ленинградского филиала ЦНСХБ, было отмечено ее участие в Дне повышения квалификации работников сельскохозяйственных библиотек г. Ленинграда и Ленинградской области. Она прочитала доклад «Систематический каталог: общие принципы и проблемы», который, как отмечалось в письме, «был прослушан с большим интересом».

Евгению Георгиевну неоднократно приглашали в Ленинградский институт культуры в качестве официального оппонента при защите кандидатских диссертаций, она была автором многих отзывов на исследования в области классификации.

Она являлась одним из составителей «Сборника переводов зарубежных авторов по вопросам индексации»⁵, подготовленного в ОНСЛ, составители которого стремились дать читателю целостное и разностороннее представление о состоянии данного вопроса в зарубежной науке и практике. Понятие «индексация» рассматривалось как система, совокупность индексов, принятая для индексирования и соответствующая той или иной избранной классификации. В состав четырех выпусков были включены переводы глав из монографий таких теоретиков классификации как Г.Э. Блисс (США), В.Ч.Б. Сейерс (Англия), членов Классификационной исследовательской группы Дж. Миллза, Б.И. Пальмера,

Э. Коутса; популярного английского автора Б.К. Викери, а также авторов оригинальных методов и приемов индексации: видного индийского ученого-библиотековеда Ш.Р. Ранганатана и его учеников, французского теоретика классификации Э. де Гролье, немецких документалистов Р. Фугмена и В. Брауна, известных специалистов в области научной информации И. Томана (Чехословакия) и Э. Добровольского (Франция). Евгения Георгиевна совместно с заведующим ОНСЛ А.А. Пановым подготовила вступительные статьи к каждому из выпусков сборника, в которых был проведен глубокий анализ идей, высказанных в публикуемых работах.

В 1977 г. Евгения Георгиевна составила и опубликовала аннотированный библиографический указатель «Фасетная классификация»⁶, в состав которого вошли материалы, опубликованные в 1933–1973 гг. В указателе было учтено 976 публикаций, в основном, на иностранных языках, большинство из которых были описаны и проаннотированы автором *de visu*.

Всего Евгения Георгиевна была автором свыше 50 научных работ, опубликованных в различных библиотечно-библиографических и информационных изданиях.

В ОНСЛ БАН Евгения Георгиевна проработала до 1986 г., вышла на пенсию и переехала обратно в Пятигорск.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Список публикаций Е.Г. Сухманевой в приложении к статье.

² Фасетизированная библиотечно-библиографическая классификация по отделу «Е Биологические науки» / В.Б. Лазуркина, И.В. Ломачинская, Р.Д. Масловец, Б.В. Некрасов, Е.Г. Сухманева. Л., 1983. 485 л. (Рукопись. Архив ОНСЛ).

³ Лазуркина В.Б. Сравнительный анализ Библиотечно-библиографической классификации и Универсальной десятичной классификации по разделам биологических наук / В.Б. Лазуркина,

Р.Д. Масловец, Б.В. Некрасов // Каталогизация и научная систематизация литературы: сб. науч. тр. М., 1979. С. 27–41; Некрасов Б.В. Сравнительный анализ ББК и УДК по вопросам зоологической систематики // Методы усовершенствования Библиотечно-библиографической классификации и ее применение в Библиотеке АН СССР: сб. науч. тр. Л., 1980. С. 114–119; Ломачинская И.В. Сравнительный анализ таблиц ББК и УДК по разделу «Систематика растений» // Там же. С. 120–132.

⁴ Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к. М., 1988. Вып. 6: Е Биологические науки / сост.: М.В. Колоярцев, В.Б. Лазуркина, И.В. Ломачинская, Р.Д. Масловец, Л.В. Мясникова, Б.В. Некрасов,

К.Н. Юрашевская и др.; ред.: В.Б. Лазуркина, Р.Д. Масловец, Б.В. Некрасов и др. Доп. и испр. изд. М., 1988. 347 с.; Вып. 6: Е Биологические науки: алф.-предм. указ. / сост.: Л.В. Мясникова, В.Б. Лазуркина, И.В. Ломачинская, Р.Д. Масловец, К.Н. Юрашевская; ред. группа: Л.В. Мясникова, В.Б. Лазуркина, Р.Д. Масловец. М., 1990. 416 с.

⁵ Сборник переводов работ зарубежных авторов по вопросам индексации / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1972–1976. — Вып. 1–4.

⁶ Фасетная классификация: аннот. указ. лит. за 1933–1977 гг. / сост. Е.Г. Сухманева; Б-ка АН СССР; под ред. А.А. Панова (отв. ред.), Т.Д. Чуриной (ред. пер.), Т.Н. Данченко (библиогр. ред.). Л.: БАН, 1977. 216 с.

Список публикаций Е.Г. Сухманевой (1964–1988)

I. Участие в развитии и оптимизации ББК

Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации: табл. для науч. б-к. Вып. 1–25: инструктив.-метод. рекоменд. / ГБЛ им.В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП, Науч. б-ка ВЦСПС; гл. ред. Н.П. Журжалина. — М., 1983–1987. — Вып. 1, 3, 6.

В числе составителей.

Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации: табл. для науч. б-к. / ГБЛ им.В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др. — М., 1980. — Вып. 19: Ч Культура. Наука. Просвещение: табл. типовых делений. Разделы Ч23 Научно-информационная деятельность. Информатика, Ч75 Библиография. Библиографоведение: инструктив.-метод. рекоменд. № 3. — 132 с.

В числе составителей.

Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для массовых б-к /

ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др.; гл. ред. ББК Н.П. Журжалина. — 2 изд., испр. и доп. — М.: Книга, 1984. — 535 с.

Членство в редколлегии.

Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для дет. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др.; гл. ред. ББК Н.П. Журжалина. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Кн. палата, 1988. — 248 с.

Членство в редколлегии.

II. Публикации по вопросам индексации и классификации

Библиотечно-библиографическая классификация: организация и методика работы по совершенствованию таблиц: положения, метод. рекоменд., инструкции. — М., 1985. — 88 с.

Участие в разработке положений и инструкций.

Вопросы индексации и фасетная классификация // НТИ. Сер. 2. — 1967. — № 9. — С. 10–12.

К вопросу о методике составления библиотечной классификации // Основные направления и методы развития Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — Л., 1982. — С. 24–31.

Также член редколлегии и ответственный редактор сборника.

К вопросу оптимизации ББК по разделу «Ч23 Научная информация» // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации: из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР: сб. науч. тр. — Л., 1976. — С. 102–107. — (В соавт. с Л.В. Мясниковой).

Также членство в редколлегии сборника.

К методике фасетизации ББК: (на примере раздела «В6 Астрономия») // Проблемы внедрения библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — М., 1974. — Вып. 2. — С. 14–45. — (В соавт. с А.К. Суловым).

Международное совещание по советской Библиотечно-библиографической классификации // Проблемы научно-методической работы в академических библиотеках: сб. науч. тр. — М., 1984. — С. 90–98. — (В соавт. с В.А. Базановым).

Методы синтеза в Библиотечно-библиографической классификации // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы дальнейшего совершенствования и внедрения советской Библиотечно-библиографической классификации» (27–28 сент. 1983 г.). — М., 1983. — С. 54–55.

Научная конференция по ББК [проведенная БАН СССР, 13–15 апр. 1982 г.] // Сов. библиотековедение. — 1982. — № 6. — С. 102–104. — (В соавт. с М.А. Тарасовым).

Некоторые вопросы современного развития фасетной классификации // НТИ. Сер. 2. — 1969. — № 11. — С. 5–8.

Некоторые вопросы фасетизации ББК // Научная систематизация и каталогизация литературы: сб. науч. тр. — М., 1980. — С. 20–33.

О гибкости индексации // НТИ. Сер. 1. — 1974. — № 6. — С. 3–7.

О запросах читателей в центральном систематическом каталоге Библиотеки АН СССР // Роль и место каталогов и картотек в библиотечно-библиографической работе библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1976. — С. 48–62. — (В соавт. с А.А. Пановым).

О концепции основного ряда биологических наук // Вопросы научной систематизации и каталогизации литературы: сб. науч. тр. — М., 1981. — С. 5–19. — (В соавт. с Б.В. Некрасовым и В.Б. Лазуркиной).

О методике составления библиотечной классификации // Научная конференция «Основные направления и методы совершенствования ББК», Ленинград, 13–15 апр. 1982 г.: тез. докл. — Л.: БАН, 1982. — С. 7–8.

Также членство в редколлегии сборника.

О некоторых вопросах унификации индексации ББК // Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках: сб. тр. 11 науч. конф. Б-ки АН СССР (30 мая — 2 июня 1972 г.). — Л., 1974. — С. 54–66.

О типах делений фасетизированного варианта ББК // Методы усовершенствования Библиотечно-библиографической классификации и ее применение в Библиотеке АН СССР: сб. науч. тр. — Л., 1980. — С. 87–95.

Также членство в редколлегии сборника.

Об алфавитном методе индексации ББК // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — 1972. — № 2(83). — С. 29–37, 150–155.

Об использовании Библиотечно-библиографической классификации в библиотеке Уральского филиала Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР. — 1968. — № 4 (70). — С. 136–145.

Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и улучшение качества систематического каталога: (к проблеме изучения эффективности

использования каталогов в крупной научной библиотеке) // Информационно-библиографическая и справочная работа: сб. науч. тр. — М., 1978. — С. 171–188. — (В соавт. с Т.В. Николаевой).

Оптимизация ББК методом категорийного анализа и синтеза: (материалы к отчету). — Л., 1976. — 78 с.

Исполнитель темы и один из составителей вариантов схем классификации.

Опыт использования советской библиотечной классификации в библиотеке Уральского филиала АН СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — М., 1964. — С. 75–83.

Опыт применения «Библиотечно-библиографической классификации» для создания специализированных картотек // Сов. библиогр. — 1966. — № 5. — С. 46–49. — (В соавт. с О.А. Былинкиной).

Организация иностранных периодических изданий в Библиотеке Уральского филиала Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — 1969. — № 4(74). — С. 105–111.

Основные направления фасетизации отдела «Г Химические науки» ББК // Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации: (сб. науч. тр.). — Л., 1978. — С. 106–112. — (В соавт. с А.Д. Антоновой).

Также членство в редколлегии сборника.

Проблема классифицирования литературы в централизованной системе Библиотеки АН СССР // Проблемы централизации работы библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1975. — С. 51–59. — (В соавт. с А.А. Пановым).

Проблема комплексности в структуре ББК // Проблемы внедрения Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — М., 1979. — С. 16–23. — (В соавт. с А.А. Пановым).

Развитие теории и методов многоаспектной классификации: автореф. дис.

... канд. пед. наук / ЛГИК им. Н.К. Крупской. — Л., 1969. — 20 с.

Результаты частичной фасетизации отдела ББК «Е Биологические науки» // Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция ее второго издания: (сб. науч. тр.). — Л., 1977. — С. 151–158. — (В соавт. с В.Б. Лазуркиной).

Также членство в редколлегии сборника.

Роль ББК в лингвистическом обеспечении автоматизированной библиотечно-информационной системы Библиотеки АН СССР // Проблемы внедрения Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — М., 1979. — С. 108–114. — (В соавт. с Т.Н. Данченко и А.А. Пановым).

Роль и значение советской Библиотечно-библиографической классификации при составлении библиотечно-библиографических изданий // Информационно-библиографическое обслуживание читателей библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1975. — С. 21–36. — (В соавт. с А.А. Пановым).

Структура и индексация второго издания ББК // Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция ее второго издания: (сб. науч. тр.). — Л., 1977. — С. 32–41.

Также членство в редколлегии сборника.

Терминологический анализ ББК // Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации: (сб. науч. тр.). — Л., 1978. — С. 113–121. — (В соавт. с А.Д. Антоновой, В.Б. Лазуркиной, И.В. Ломачинской и др.).

Также членство в редколлегии сборника.

Уровни обобщений категорий универсальных классификаций и методы синтеза в Библиотечно-библиографической классификации // Проблемы совершенствования и применения Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — Л., 1987. — С. 9–22.

Фасетизация территориальных типовых делений ББК // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической

классификации: из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР: сб. науч. тр. — Л., 1976. — С. 34–41. — (В соавт. с Л.Н. Музылевой).

Также членство в редколлегии сборника.

Эффективность взаимодействия между информационными системами и лингвистическое обеспечение автоматизированной ИПС БАН СССР // Эффективность информационно-библиографической деятельности библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1978. — С. 190–199. — (В соавт. с А.А. Пановым).

Modern development of faceted classification // *Annals of library science and documentation*. — 1971. — Vol. 18, № 1. — P. 13–21.

The problems of notation and faceted classification // *Annals of library science and documentation*. — 1970. — Vol. 17, № 3–4. — P. 112–116.

III. Редакторская и составительская работа

Методические рекомендации по применению лингвистических средств ав-

томатизированной системы Библиотеки Академии наук СССР. — Л.: БАН, 1981. — 186 с.

Фасетная классификация: аннот. указ. лит. за 1933–1977 гг. — Л.: БАН, 1977. — 216 с.

Малотиражные издания учреждений Академии наук СССР: указ. поступлений за [1982–1985 гг.]. — Л.: БАН, 1982–1985.

Сборник переводов работ зарубежных авторов по вопросам индексации. — Л.: БАН, 1972–1976. — Вып. 1–4.

Вып. 1: Работы общего характера: пер. с англ. — 1972. — 114 с.

Вып. 2: Символы в классификации: пер. с англ. — 1974. — 85 с.

Вып. 3: Проблемы индексации в трудах индийского ученого Ш.Р. Ранганатана и его школы. — 1975. — 110 с.

Вып. 4: Оригинальные методы индексации. — Л., 1976. — 74 с.

Сводный каталог иностранных научных и технических журналов, имеющихся в библиотеках г. Свердловска: естественные науки, медицина и техника. — Свердловск, 1971. — 574 с.

О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА...

Н.Г. Зенкевич, В.Г. Подковырова

(В подготовке материалов к печати принимала участие внучка Л.Е. Шустовой Светлана Игоревна Зенкевич)

МАМА ВСПОМИНАЕТ...

Мы воспитывались в семье блокадников: наши бабушки и мама всю Блокаду провели в осажденном городе. Уже после войны они не могли заснуть, если в доме не было хлеба, поэтому мы часто бегали в булочную вечером перед закрытием... Все это реальная часть детства.

Мамины дневники охватывают самый страшный период 1941–1942 годов — начало войны и первую блокадную зиму. Заметки были отрывочными, поэтому через какое-то время, решив привести их в порядок и дополнить некоторыми событиями 43 года, мама переписала их в другой блокнот. Точно сказать, когда это произошло, мы не можем. Старые военные записи в семейном архиве не сохранились.

Наша мама Лидия Евстигнеевна Шустова родилась 30 ноября 1927 г. в Ленинграде и всю Блокаду прожила со своей мамой, Пелагеей Петровной Грибановой¹, на ул. Комсомола. В этом же и в соседних домах жили мамини подруги, о которых пойдет речь в дневнике. Очень важным для выживания в нечеловеческих условиях для подростка было сохранение способности учиться. Девочки старались без перерывов ходить в школу, под бомбежками, голодные и замерзшие. Школа перемещалась, занимая освобождавшиеся помещения в разных зданиях, но не прекращала работать почти всю Блокаду.

После окончания школы мама поступила на Физический факультет Ленинградского университета, так как считала, что для страны очень важно развитие естественных и точных наук. В 1951 г. закончила созданную двумя годами раньше Кафедру геофизики. Мама начала рабо-

14.12.1950

ту в Казахстане в нефтегазоразведочных геофизических партиях (г. Гурьев), потом работала в аналогичных организациях в Ленинграде, окончила аспирантуру Горного института, в 1968 г. после защиты кандидатской диссертации была принята в Институт геологии и геохронологии докембрия Академии наук, где проработала дальше всю свою жизнь. Она автор более 50 научных статей и 7 монографий.

Лидия Евстигнеевна Шустова хорошо разбиралась в музыке, живописи, архитектуре. Она была неизменным посетителем большинства художественных выставок и лучших филармонических концертов. Вспоминая жизнь в Гурьеве, мама рассказывала, что больше всего страдала из-за отсутствия возможности ходить в Филармонию и в Эрмитаж.

Лидия Евстигнеевна ушла от нас 23 января 2004 г. Она была душой нашей большой семьи и осталась живой в памяти детей, внуков и правнуков.

ДНЕВНИК БЛОКАДНИКА
ЛИДИИ ЕВСТИГНЕЕВНЫ ШУСТОВОЙ

1941 г.

23 июня

Я живу в Шувалове на даче с Женей (брат, который старше меня на 20 лет) и его женой Е.М. Днем мы услышали грохот (это были зенитки). Тогда мы не знали, что это такое. Оказывается, со стороны Карельского перешейка пытались прорваться немецкий самолет. Он был сбит в районе Дибунов. А может быть, и не был сбит. Мы верили всему тогда.

27 июня

Бюро обкома и горкома партии постановили создать комиссию для руководства эвакуацией из Ленинграда населения — прежде всего, детей. Приехала в Шувалово мама² и сказала, что свою дочь Лиду никуда не отпустит. Уехали все мои подруги, я осталась одна.

Скоро стало ясно, что мама понимала обстановку лучше других. Финляндия объявила нам войну и начала наступление на Ленинград с севера.

Началась маскировка зданий. Исаакий покрасили в защитный цвет. На Адмиралтейство натянули мешковину. Закрасили шпиль Петропавловского собора.

Начались воздушные тревоги. На радио включили метроном, чтобы люди чувствовали жизнь по радио.

1 июля

Вывезли наиболее ценные экспонаты из Эрмитажа и Русского музея.

5 июля

Пал город Остров.

9 июля

Пал Псков. Фашисты двинулись к Луге.

Мамы моих подруг ищут своих дочерей и в результате привозят обратно в Ленинград. Идет эвакуация.

17 июля

Пал Гдов. В городе ввели карточки. До этого дня мама мне все говорила, что нужно покупать продукты, но мне было как-то стыдно много покупать. И мы

оказались только с сахаром. Так как жили мы скромно, то мама всю зиму с каждой получки покупала сахар, чтобы летом варить варенье. Этот сахар спас нам жизнь в блокаду.

Нашу школу отдали под госпиталь, а учиться мы собирались сначала в школе на Минеральной, потом за «Гигантом»³ в школе с архитектурой под Корбюзье (на ножках). Все это время ходили в школу и по очереди дежурили. Выдали противогазы. В домах тоже установили дежурство, привлекали и школьников.

27 июля

Мобилизация населения для рытья окопов вокруг Ленинграда. Уехала Е.М. Женя ушел на фронт в первые дни.

16 августа

Пала Нарва, Кингисепп.

20 августа

Пало Чудово, перерезали ж.д. Ленинград-Москва. Тревоги длятся долго, до двух часов, и очень часто, особенно ночью.

27 августа

Прибыл последний поезд с продовольствием.

31 августа

Финны подошли к Белоострову, немцы взяли Териоки.

Узнали, что пока занятий в школе не будет.

2 сентября

Снижение норм хлеба. С 800 до 600 грамм для рабочих, с 600 до 400 — служащим. Иждивенцам и детям до 300 грамм.

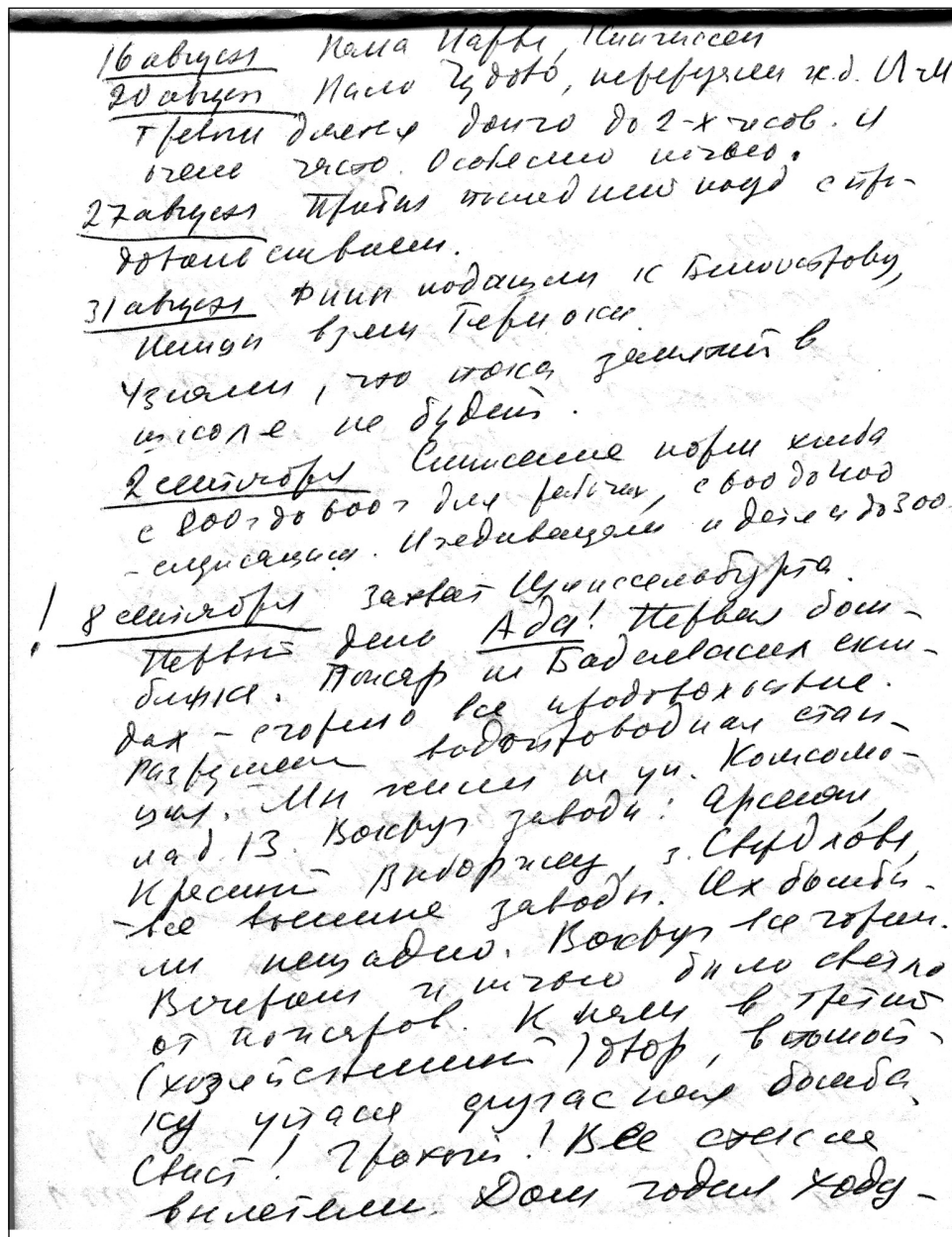
! 8 сентября

Захват Шлиссельбурга. Первый день Ада! Первая бомбежка. Пожар на Бадаевских складах — сгорело все продовольствие. Разрушена водопроводная станция. Мы жили на ул. Комсомола, д. 13. Вокруг заводы: «Арсенал», «Красный Выборжец», завод «Свердлова» — все военные заводы. Их бомбили нещадно. Вокруг все горит. Вечером и ночью было

Моя история

светло от пожаров. К нам в третий (хозяйственный) двор в помойку упала фугасная бомба. Свист! Грохот! Все стекла вылетели. Дом ходил ходуном! Мы с мамой жили на шестом этаже. Спустились

на 1 этаж. Мы ни разу не были в бомбоубежище. Только спускались на 1 этаж под лестницу. А потом даже вообще ложились на кровать, накрывались всеми одеялами, а поверх — красным ковром

Отрывок из Дневника

(он сохранился до сих пор), и лежали, развезжая по всей комнате, т. к. дом весь качался из стороны в сторону. На окнах толстые шторы, в центре комнаты буржуйка. В квартире — никого, кроме меня и мамы. Жили в коммуналке, где были четыре комнаты, и в каждой — по семье. Все уехали из Ленинграда. Воду приносили с Невы, канализация не работала. Ведро с помоями выливали на улицу, во двор, около входа. За зиму образовалась целая гора экскрементов. Хорошо, что зима была холодная, без оттепели, а весной все вышли (голодные, изможденные) и рубили эти горы и спускали в люки. А иначе город погиб бы от эпидемии.

11 сентября

Пал Дудергоф. Было 11 налетов и 11 сигналов воздушной тревоги.

12 сентября

Финны заняли Подпорожье.

18 сентября

Пал Пушкин. Начались обстрелы. Бомбежки продолжались, еще прибавились обстрелы.

19 сентября

6 налетов. Мало разрушений.

23 сентября

Штурм Пулковской высоты. Остановились рядом с городом. Усиленный обстрел.

25 сентября

День относительно спокойный. Разорвалось 30 снарядов. Решение Ленгорисполкома — спектакли и концерты начинать в 17 часов. Мы с мамой ходили 3 или 4 раза в театр «Пассаж» (теперь театр Комиссаржевской). Давали только 2 пьесы: «Фронт» и «Разгром». Мы видели только один акт, так как во втором акте начиналась тревога. Мы сначала выходили из зрительного зала и долго стояли на лестнице, а потом шли домой. Так эти пьесы мы не видели до конца.

Но зато в театр Музкомедии (в помещении Александринского театра) я с Зиной Пронюшкиной⁴ ходила во время блокады на все спектакли. Пробегали мимо контролера без билета и сидели на лучших местах. Но это все благодаря Зине,

она была очень смелая и решительная. А я только следовала за ней, так как очень люблю театр. С Ниной мы ходили в театр по билетам⁵.

С Соней⁶ мы иногда ходили в блокаду в кино — в «Спартак» на Кирочную. Ходили по диагонали, по льду Невы — это немного сокращало путь. В дорогу у нас было по кусочку хлеба с подсолнечным маслом. Иначе не хватило бы сил дойти. Но это было только в начале зимы, пока еще работал кинотеатр и были силы туда идти. А театр Музкомедии работал всю блокаду. В кинотеатре нужно было поднимать ноги, так как по полу ходили голодные крысы.

Всего за сентябрь упало 1000 фугасных и десятки тысяч зажигательных бомб. Больше 5000 снарядов.

1 октября

Третье снижение норм хлеба. До 400 граммов и 200 граммов.

5 октября

Высадка десанта в Нижнем парке Петергофа. Напрасная. Все погибли.

9 октября

Тревоги начались в 5 часов утра, повторялись весь день. И в общей сложности длились 9 часов. 3,5 тыс. зажигалок сброшено.

10 октября

Упало 15 фугасок и 1 000 зажигалок.

12 октября

Налет продолжался с 24 часов до 4 часов. Сброшено 64 фугасных бомбы.

13 октября

Сброшено 12 000 зажигалок.

16 октября

Сброшено 2 000 зажигалок.

17 октября

5 налетов. 48 фугасок, 3 500 зажигалок.

20 октября

Начался голод. В хлебе — 37% примесей отрубей, жмыха, затхлого зерна, солода.

Взят Таганрог, Малоярославец, Будогощь.

25 октября

Начались занятия в школе у «Гиганта». В основном смотрели в окно и ждали,

Моя история

что привезут для обеда. Иногда привозили конину, но чаще давали какую-то бурду. Ходили в школу недолго. Она вскоре закрылась из-за холода. Перевели школу в квартиру около Финляндского вокзала. Учительнице приносили немного топлива и бидончик с супом (если это можно назвать супом — вода и считанные картошки). На улице Михайлова и Комсомола, на Нижегородской разобрали все деревянные дома на дрова. Но их хватило ненадолго. В квартирах жгли мебель и все, что горело, в буржуйках.

29 октября

41 фугаска и 1 700 зажигалок. И еще обстрелы. Я попала под обстрел на улице Комсомола около улицы Михайлова. Помню грохот и вижу большие осколки, которые летели по улице. У меня случился шок. Я остолбенела и не могла двигаться. Помню, как военный выскочил из подъезда, схватил меня и затащил в дом. Спас!

31 октября

Обстрелы. 137 снарядов за день.

1 ноября

За день в общей сложности обстрелы продолжались 8 часов.

4 ноября

50 фугасных, 5 000 зажигалок и обстрелы, которые продолжались 8 часов.

6 ноября

100 фугасок. Обстрел с 11 до 18 часов, а потом с 21 — всю ночь.

7 ноября

200 снарядов. Демонстрации нет. Вечером на 1–2 часа в домах было электричество ради праздника.

8 ноября

Пал Тихвин. Переведена ж.д. к Ладожскому озеру, по которому доставляли грузы в Ленинград. Паек военных урезан на 200 граммов.

13 ноября

Снижение норм хлеба до 300 граммов и 150 граммов. В хлеб еще добавили 25 % целлюлозы — клетчатки, очищенной при обработке древесины. Военсовет Ленинграда принял решение строить ледовую дорогу.

20 ноября

Пятое снижение норм хлеба: 250 граммов и 125 граммов. Закончилась подготовка ледовой дороги.

30 ноября

Кроме 125 граммов хлеба по карточкам ничего больше не выдают. Я стояла на Кондратьевском в магазине (на углу Тимофеевской) несколько часов на улице. Продавали в последний раз масло по карточкам. Когда моя очередь почти подошла, меня оттолкнули, так как масло кончалось. Была драка, но это драка за жизнь. Я долго плакала.

Вечером раздался звонок (механический). На лестнице стояла Нина Чепельникова⁷. Она поздравила меня с днем рождения и дала одну конфету соевую! В квартиру не зашла. Убежала вниз по лестнице.

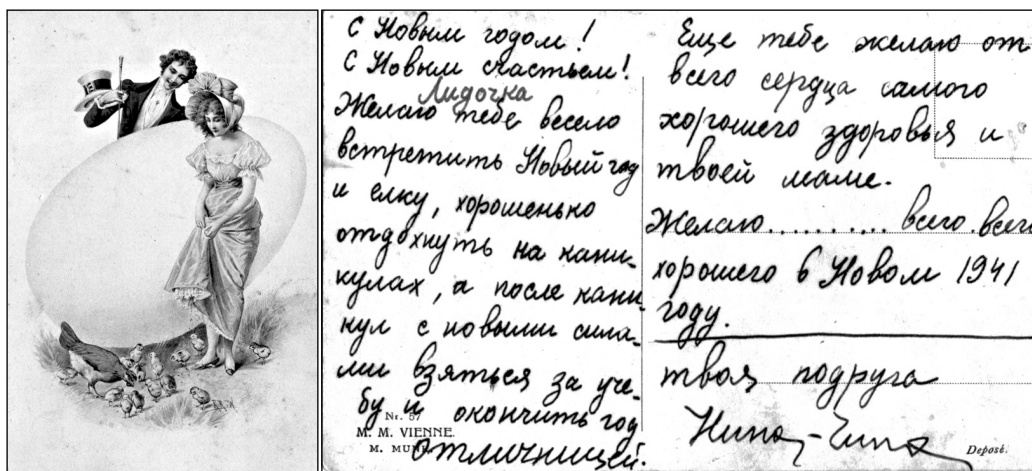
Теперь сижу дома. Школу закрыли. Ни дров, ни супа не давали. Да и ходить никто не мог. Я была последняя. Когда учительница сказала мне, чтобы больше не приходила, я шла по улице Комсомола и горько плакала. Решила, что это конец жизни.

Дома сидим возле буржуйки. На столе — коптилка. Но я читаю бульварные романы Понсона дю Террайля⁸. В самый раз!

На улицах появились трупы. Увезли целую машину с заднего двора, куда теперь из квартир уносят трупы и складывают в сарай. В булочной женщина замерзла за дверью и так простояла всю ночь. Когда открыли дверь, труп упал на вбежавшую очередь. За 125 граммами стоят очереди с ночи. Я несла 125 граммов в руке — маленький кусочек и к нему довесок — кубик со стороной 1 см. Когда я поднялась на 4 этаж, открылась дверь, оттуда выскочила Зина — девочка, с которой вместе учились и играли во дворе, схватила этот довесок и убежала в свою квартиру. Ночью она умерла. Мороз минус 40 градусов.

2 декабря

Закончилась эвакуация наших войск с полуострова Ханко. Они приехали

Открытка, которую подарила Нина Чепельникова и текст поздравления с этой открытки

в Ленинград и Кронштадт. Многие погибли. Мама моя на казарменном положении. Когда она ночует на работе, я хожу к ней, так как одной дома оставаться нельзя. Иду до «Гиганта». Сегодня на улице Комсомола была такая история. «Арсенал» располагается по обе стороны от трамвайной линии. Здесь делают пулеметы. Слышны выстрелы. Я иду к маме и вдруг вижу. Обеденный перерыв. Столовая рабочая везла в саночках бутылку с розовой жидкостью. Это разведенный сахарин и краска (вместо чая). Бутылка (литров 20) упала и разбилась. Жидкость разлилась по улице. Получились узкие лужицы в местах, где проходили рельсы. Они замерзли, но углубления остались, и там осталась эта жидкость. Рабочие из окон увидели и выскочили. Ходили они в ватниках, ватных штанах и ушанках. За валенками у всех лежала ложка. Лица черные, не умывались. Ночевали на заводе. Эти рабочие легли на линию и стали ложками черпать и пить эту сладкую жидкость до последней капли.

9 декабря

Наши взяли Тихвин.

10 декабря

Газета «Правда» сокращена до одного листа. Прекратились бомбежки. Наступил холод и голод. Но обстрелы продолжают.

17 декабря

Начала действовать ледовая дорога.

25 декабря

Повышены нормы на хлеб: 350 граммов и 200 граммов.

1942 год

4 января

Жуткое постановление Ленгорисполкома: «О мероприятиях по улучшению работы ЗАГСов» — для регистрации смерти не хватает рук. «О захоронении умерших» — постановление парторганизации Кировского завода. Обстрелы продолжают все время.

7 января

Постановление о детских домах, так как очень много детей-сирот. Мама работает в этой системе — она на казарменном положении. По-прежнему хожу к ней в бомбоубежище ночевать. Сам детдом находится в убежище все время — и день, и ночь. Попытка Волховского фронта прорвать блокаду не удалась.

13 января

Извещение Ленгорсовета о выдаче населению в месяц: 1) мука — 100 г, 2) крупы — 200 г, 3) мука в счет крупы — 200 г. Почти весь день стояла в очереди. Дистрофия косит людей еще сильнее, чем раньше.

Мама нашла официантку из столовой завода «Арсенал» (около нашего дома) и обменивает все ценное на продукты. У нас остались мамины фамильные драгоценности. Кольцо с камнем-бриллиантом обменяла на 10-литровую банку очистков от мороженой картошки. Когда все драгоценности кончились, в ход пошли дорогие шерстяные платья (из английской шерсти), вышитые золотыми и серебряными нитками. В них мама со своим первым мужем Грибановым Петром Константиновичем ходила в Дворянское собрание. Затем обмен пошел на посуду и т. д. Но благодаря маме мы выжили.

24 января

Прибавка хлеба — 400 рабочим, 300 служащим, 250 детям, иждивенцам.

Смертность: в декабре 52 800 человек. В январе каждый день умирало 3,5–4 тысячи человек. По карточкам выдают только хлеб, а все остальные продукты почти не выдают, их нет.

31 января

Выдали по 150 г крупы и 150–200 г сахара.

11 февраля

Третья прибавка хлеба — 500 рабочим, 400 служащим, 300 детям, иждивенцам.

27 марта

Мобилизация населения по очистке города. Разбили грязные горы нечистот и спустили все в люки. Избежали эпидемии.

29 марта

В город пришел партизанский обоз с продовольствием. Город пополнился людьми в шапках с красными бантами. Это очень подняло настроение. За март умерли около 90 000 человек. Обстрелы не прекращаются каждый день.

15 апреля

Пустили первые трамваи. Начала пробиваться новая трава. Мама послала меня на Арсенальную улицу. Народу в городе мало. Подальше от Кондратьевского, у женской тюрьмы, я нарвала лебеды и принесла домой. Мама сделала из этой травы котлетки, добавив ложечку крупы

или муки. Выложила их на блюдо. На белом фарфоре лежали ядовитые зеленые котлеты, из которых вытекал ядовито-зеленый сок. Красиво. Но есть было очень трудно. Невкусно!

4 мая

Открылись школы. Мы учились в здании на Комсомола, 17, на верхнем этаже. Раньше (и теперь) там была Музыкальная школа. Занимались дня два. Был немецкий язык один урок. Его вела Эмма Гугоновна. А через два дня сказали, что все дети должны помогать взрослым, и мы поехали в совхоз «Пискаревка», точнее, пошли пешком. Мы, т. е. несколько девочек, я, Соня, Нина, Галя⁹, мальчик один — Вадик Иванов. С нами пошла молодая учительница Наталья... (не помню отчество). У нее убили на фронте мужа. Преподавала она биологию. Все лето работали в совхозе. Жили в бараке. Кормили слабо. Нормы были очень большими. Сначала пололи морковь. С тех пор я запомнила эти маленькие ростки морковки на всю жизнь. Нужно было выполоть длинную грядку. Пололи лежа в меже, так как не было сил. В обед уходили в барак и ложились на подстилки на пол. В барак нужно было забраться по крыльцу в 5 деревянных ступенек. Забирались ползком и бросались на подстилки. Через час учительница всех вытаскивала с трудом на работу. До вечера. И так с понедельника до субботы. Вечером шли домой. Хорошо помню, что идти было трудно. И как мы с Соной радовались, когда впереди появлялся Смольный собор. Значит, дом недалеко — дойдем. Дома отмывали недельную грязь и спали. А в понедельник опять в совхоз. В очередной раз (скоро) в понедельник не пришел Вадик Иванов. Сказали, что он обварил руку кипятком и получил освобождение. Потом узнали, что он это сделал потому, что не выдержал тяжелой жизни.

В сентябре выросла капуста. (Картошку не сажали, так как ее не было для посадки — все съели.) Стало легче — соби-

рали и резали капусту пополам. На каждый призыв — «сахарный кочан» — собирались, разрезали и съедали. Выносить было нельзя, а есть сколько хочешь было можно. У всех раздулись животы, и надо-ло, так как набивали их до предела. Нещо-лько слов о жизни в бараках совхоза. Все спали на полу, а ночью по спящим бегали голодные крысы. С тех пор у меня крысоболезнь развилась.

В середине лета ездила на несколько дней к маме — она с детским садом жила в Кавголово. Запомнились обе-ды, которые выдавали маме — овсяный суп и кусок хлеба. Я до обеда набирала в лесу грибов (далеко не ходила, поэто-му брала все, кроме мухоморов). И мы с мамой отваривали грибы и соединя-ли отвар с овсяным супом. Выходило на двоих.

В конце сентября вернулись в город и пошли учиться в 7 класс. Школа размещалась на улице Михайлова, д. 8¹⁰. Наши здания отдали под госпиталь.

Зимой я начала болеть — цинга. На ногах образовались большие нарывы, особенно мучительные на подошвах. Я слегла. Девочки приходили каждый день и приносили мне уроки и завешивали окна для светомаскировки. Чтобы заглу-шить боль в ногах, читала Жуковского — его светлую поэзию. Упивалась «Светла-ной» и «Ундиной».

К весне 1943 г. болезнь стала угрожать жизни — нарывы поднимались выше ко-лен. И меня поместили в больницу Карла Либкнехта (старое название) на Арсе-нальной набережной около дачи Куше-лева-Безбородко¹¹, который узнается по львам с цепями — вид с Невы.

Меня кололи ежедневно. Вводили глюкозу и аскорбинку. Мама продава-ла все, что можно, так как необходимы были дрожжи. Я начинала вставать на ноги. Пролежала около месяца. Больни-цу закрыли и всех больных выгнали. Я пешком, уже сама на ногах сумела дой-ти домой. Несколько дней прошло дома. Уже кончилась в мае учеба, и всех опять отправили в совхоз в «Лесное». Меня

заочно перевели в 8 класс. Я хорошо училась.

Сидеть дома я не могла. Хромая, при-шла в Райком комсомола на улице Ком-сомола, в старом здании Райкома, где работала наша школьная пионервожатая Зоя Карловна. Стала проситься в сов-хоз. Зоя Карловна, глядя на мои еще не выздоровевшие ноги, дала направление на завод «Арсенал», чтобы я поехала на дачу с детьми этих работников. При-шла в завком. Меня отправили вожатой в Кавголово, где был организован лагерь. Каждый завод отремонтировал себе дом (дома стояли пустыми), чтобы привезти своих детей для выздоровления. У меня было 40 человек, которые размещались на двух этажах. И я справлялась со всеми, хотя были мальчики старше меня и выше намного. А были и трехлетние дети. Сто-ловая была общая для всех детей лагеря. Питание для 43 года было усиленное. И воздух. И грибы и ягоды. И я за лето поправилась — встала ноги.

Меня иногда подкармливала семья соседей по дому. Я дружила с их дочкой. У меня были две длинные косы, с кото-рыми связана одна история. Когда мама привела меня в больницу, санитарка вы-звала парикмахера, чтобы остричь меня наголо. Парикмахер, увидев мои толстые косы — роскошные, сказал, что у него не поднимется рука. Тогда вызвали глав-врача, который распорядился оставить волосы. Я лежала в больнице как дикоб-раз среди наголо остриженных ленин-градских дистрофиков.

В октябре 43 года все собрались в шко-ле у нас в доме в 1-ом флигеле на послед-них двух этажах¹². У нас был класс с бал-коном. Когда кто-нибудь из девочек не выучивал урок, можно было спрятаться на балконе.

Особенно вспоминаю учительницу русского языка Наталью Николаевну Попандопуло. На уроках военного дела уходили с учителем Анисимовым гулять в сад.

Но занятия были уже серьезными. Ефросинья Никитична вела математику.

После ее уроков я и стала увлекаться математикой.

Но война шла жестокая. Бомбежки в городе сменяли обстрелы, и очень частые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отец мамы — Шустов Евстигней Андреевич (1878–1933).

² Грибанова (Гусева) Пелагея Петровна (1887–1969).

³ «Гигант» — кинотеатр в Выборгском районе на площади Калинина.

⁴ Пронюшкина Зина, одноклассница.

⁵ По воспоминаниям Н.С. Бубновской (запись разговора 2014 г.), однажды, для того чтобы купить билеты в театр, она продала свой хлебный паек за 40 р. Сидели на галерке.

⁶ Ребрина (Пучкова) Софья Дмитриевна (1927–2005), одноклассница.

⁷ Бубновская (Чепельникова) Нина Сергеевна (род. 1927), одноклассница.

⁸ Пьер Алексис Понсон дю Террайль (1829–1871), французский писатель, автор цикла продолжающихся романов про разбойника Рокамболя.

⁹ Броздниченко (Тарасова) Галина Федоровна (1928–2013), одноклассница.

¹⁰ По воспоминаниям Н.С. Бубновской (запись разговора 2014 г.), класс был крошечный с буржуйкой и пятью партами. Детей отправляли разбирать деревянные дома на пл. Ленина, чтобы топить печку.

¹¹ Здание на наб. Свердлова, д. 40.

¹² По воспоминаниям Н.С. Бубновской (запись разговора 2014 г.), в этом здании на ул. Комсомола, д. 13 на последних этажах до 1942 г. располагалось ремесленное училище для детей-сирот, которые все погибли от голода и холода в первую блокадную зиму. Девочки видели, как детские тела в черных бушлатах грузили в машины и увозили хоронить в траншеи в конце Кондратьевского проспекта.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ МАСЛОВОЙ

Н.М. Балацкая

В июле 2014 г. вышло совместное издание Российской Национальной библиотеки и Библиотеки Российской академии наук «Александра Николаевна Маслова (1933–2011): биобиблиографический указатель», посвященный жизни и деятельности известного специалиста в области библиотечного дела, краеведческой и региональной библиографии, истории книги. Он адресован библиографоведам, библиотековедам, библиографам-практикам, преподавателям и студентам вузов.

Это уже третий по счёту и самый полный указатель работ А.Н. Масловой. Ранее опубликованы: автобиография Александры Николаевны¹ и в значительной мере опирающийся на нее биобиблиографический указатель ДВГНБ, выпущенный к её 75-летию². К сожалению, в обоих указателях встречаются ошибки и пропуски, неверные указания на источники перепечатки, и т. п., что потребовало перепроверки и переописания *de visu* всех доступных составителю работ А.Н. Исключены некоторые публикации, приписанные ей ошибочно³, и внесены пропущенные⁴. Указатель претендует на полноту и включает все известные публикации А.Н.; не взяты только явно служебные документы, составленные или подписанные ею по должности⁵.

Большинство работ Масловой сохраняет научную и практическую ценность для специалистов в области библиотечного дела, библиографии, истории книги. Для того, чтобы облегчить именно такое использование указателя, составитель принял решение организовать материал по тематическим разделам и рубрикам, отражающим основные области профессиональных интересов А.Н. Задача подобной группировки облегчается тем, что у Александры Николаевны почти не было случайных,

проходных, «единичных» публикаций. Немногочисленные статьи такого рода (как правило, связанные с юбилеями) в нашем указателе сведены в рубрику «Varia».

Последовательность разделов и тем в пределах крупных разделов «Библиотечное дело» и «Библиография» примерно соответствует времени их появления в профессиональной жизни Александры Николаевны. В пределах тематических и жанровых рубрик материал расположен в хронологии публикации, внутри года – в алфавите заглавий. Издания, отсутствующие в РНБ, БАН и ГПНТБ СО РАН и описанные по источникам, отмечены звёздочками при номере библиографической записи.

В корпусе опубликованных работ А.Н., составляющем на сегодня 325 названий, более 70 перепечаток её собственных публикаций. Они появлялись в ответ на просьбы коллег из местных библиотек и российских профессиональных журналов, и в этих случаях А.Н. часто поправляла, сокращала или допол-

няла текст; иногда по инициативе издателей менялись заглавия статей. Кроме того, в последние годы Александра Николаевна подвела итоги своей научной деятельности в двух сборниках избранных работ: «Краеведение и библиотека» (2010) и «Очерки истории сибирской библиографии» (2012), где большинство статей и докладов прошлых лет также опубликовано с изменениями и дополнениями или позднейшими комментариями. Указания самой А.Н. на источники перепечатки, приведенные в сборнике «Краеведение и библиотека», не всегда верны. Поэтому при подготовке данного указателя во всех подобных случаях была проведена полная сверка текстов. Статьи, перепечатанные стереотипно или с незначительными изменениями (сокращениями, дополнениями), представлены без самостоятельного номера (с соответствующими пояснениями о характере отличий) только в библиографической записи на первую по времени публикацию. Это же относится и к статьям об Александре Николаевне (см., например, [377, 378]).

Заведомо неполно представлены неопубликованные рецензии Масловой. Сведениями о таких рецензиях, написанных до 1999 г., мы не располагаем. В годы работы в РНБ Александра Николаевна много занималась анализом и рецензированием научных и библиографических изданий библиотек в ответ на просьбы авторов и составителей или для всероссийских конкурсов на лучшие работы по библиотечному делу, библиографии и книговедению. Но, отправляя свои отзывы коллегам, она, как правило, оставляла их копии только в своем личном архиве, чтобы позднее опубликовать отдельно или в составе очередного аналитического обзора. Поэтому из 67 неопубликованных рецензий А.Н., выявленных нами по ежегодным отчетам группы краеведческой библиографии Отдела библиографии и краеведения РНБ, в настоящее время доступны в Библиотеке всего. Тем не менее, мы решили

опубликовать весь их список, чтобы дать представление о масштабах этой полезной и важной части профессиональной деятельности Александры Николаевны. (Звездочками в нем отмечены ненайденные рецензии).

В помощь читателям предназначены указатели: а) заглавий изданий, в которых опубликованы работы А.Н. Масловой и материалы о ней, и б) имен; в последнем в самостоятельные ряды выделены герои публикаций Александры Николаевны и авторы рецензированных ею работ; её сотрудники в широком смысле этого слова (соавторы, соредакторы, составители сборников и т. п.); авторы публикаций об А.Н. и её трудах.

В издании помещены также оригинальные (прежде не публиковавшиеся) краткие очерки и воспоминания об А.Н. Масловой и общая хроника её жизни и деятельности, составленная в 2006 г. самой Александрой Николаевной и дополненная за последние годы и уточненная нами по её документам и сведениям, полученным от дочери, Н.Ю. Тереховой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список основных работ А.Н. Масловой // Краеведение и библиотека: избр. ст. СПб., 2010. С. 335–347. (152 назв.).

² Александра Николаевна Маслова: биобиблиогр. указ. / ДВГНБ; [сост.: Т.В. Кирпиченко, Р.В. Наумова]. Хабаровск, 2007. 75, [1] с.: портр., [2] л. ил. (Ученый и библиотека; вып. 5). (272 назв.).

³ О нашем юбиларе: [к 30-летию журн. «Дальний Восток»] / А. Розенман // Тихоокеан. звезда. 1963. 19 окт.; Методические материалы по координации деятельности научных библиотек Сибири и Дальнего Востока / Совет по координации деятельности науч. и спец. б-к Сибири и Дал. Востока, СО АН СССР, ГПНТБ. Новосибирск, 1986.

⁴ Вера в человека / А. Маслова, гл. библиограф Хабаровской краевой биб-

Новые издания

лиотеки // Тихоокеан. звезда. 1964. 19
февр.

⁵ Библиотечно-информационные
услуги: проспект / ГПНТБ СО РАН;
[сост.: А.Н. Маслова, В.П. Процек]. Но-
восибирск, 1995; Правила пользования
ГПНТБ СО РАН / [сост.: А.Н. Маслова,
В.П. Процек]. Новосибирск, 1995; Биб-

лиотеки Новосибирска: путеводитель /
ГПНТБ СО АН СССР; [отв. за вып.
А.Н. Маслова]. Новосибирск, 1989;
Библиографическое описание доку-
ментов: метод. рекомендации / ГПНТБ
СО АН СССР; [сост.: Т.Н. Кузьминых,
З.И. Тырышкина; отв. за вып. А.Н. Мас-
лова]. Новосибирск, 1989.

Левченко Юлия Валентиновна, родилась в 1960 году в Ленинграде (Кронштадте), в 1984 году закончила ЛГИК им. Н.К. Крупской по специальности библиотекарь-библиограф высшей классификации, специализация: художественная литература и искусство. Вся трудовая деятельность связана со специальностью, в 1997 году пришла в БАН, где и работает по настоящее время помощником директора.

ДОЖДЛИВЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Улица кажется серой и маленькой,
Дождь моросит из небесного душа...
Кабы, мин херц, я была Вашей маменькой,
Я бы сказала: «Ну, что ж ты, Петруша!..
Окна в Европы рубить — дело знатное,
И отчего не подумать о флоте?
Только уж больно тут место отвратное,
Да и не ставят “избу” на болоте!»
Все же поставил... И триста лет с хвостиком —
Небо дырявое над головами,
Дружим мы с лужами, ходим мы с зонтиком,
Честим погоду плохими словами.
Но мы какие-то странные жители:
Мерзнем, болеем, мечтаем о лете,
Но если спросят: — Уехать хотите ли?
Скажем: — Ну, что вы! ОН — лучший на свете!

БЕЗДОМНЫМ СОБАКАМ

Собак бесприютных на свете так много...
В глазах их — тоска по забытому Дому...
Собачье терпенье угодно ли Богу? —
С надеждой они подбегают к любому:
Один — отвернется, другой — повздыхает,
А кто-то погладит, протянет кусочек...
И я замечаю, — они редко лают, —
У псины бездомной сломался «звоночек».
Всегда в ожиданьи собачьего счастья, —
Им надо так мало в любую погоду:
Немножко еды и немножко участия...
«Меняю посылую эту свободу
На коврик в прихожей. Служить буду честно.
А вечная преданность — это не грёзы!
Ну, где ж мой Хозяин???» — кричат бессловесно
Собачьи сердца и замерзшие слезы.

Поэтическая страничка

МАЛУША

«Володимиръ бо бе отъ Малки, ключницы Олжины; Малка же бе сестра Добрыне, — и бе Добрыня дядя Володимиру; и бе рождение Володимеру въ Будутине веси, тамо бо въ гнѣве отслала ея Олга, село бо бѣше ея тамо, и умираючи даде его святей Богородици»

(Никоновская летопись).

– Малушка? Что? Да ты в уме ли, сыне?
Да при отце ты так-то бы посмел?
Холопку мне в невестки? Мне, княгине!
А внуку... что ж, — робичича удел?
Молва людская не страшна нам ныне, —
Князь прав и волен на своей земле,
Но ты ж в походах... Разве что Добрыне
Я чадо поручу, раз ты в седле...
Все, княжий сын! А глупая девчонка
Пусть будет благодарна, что жива!
Гнать с глаз моих пинком, как собачонку,
Покуда не слетела голова!
Малушу — прочь, сам князь загинул в сече...
Мальчонка рос, и всяко было тут...
Его в веках — хоть было то далече —
Владимир Красно Солнышко зовут!

ВО СЛАВУ БАСТ

Пролетели века, но с тех пор и донине, —
А, быть может, что кто-то и душу продаст —
Поклоняются люди домашней Богине,
Той, что древние знали под именем Баст...
Дочь великого Ра, чьи лучи животворны,
И Небесной Коровы, чудесной Хатхор, —
Ее ножки бесшумны, легки и проворны,
И был вскормлен Богинею солнечный Гор.
Так изящна, красива — само воплощенье
Доброты и любви, и изъянов в ней нет,
Но вторая ее ипостась — это мщенье,
Это лик грозной львицы, разящей Сехмет.
Для нее города возводились и храмы,
И служили жрецы в честь загадочных глаз,
И неслись к небесам для нее фимиамы,
И ей царь подносил драгоценный алмаз...
Возвращаюсь домой. Вот сидит у окошка,
Статуэткой застыв, — даже лапку не даст —
Существо — божество... Здравствуй, милая кошка!
Ну, пойдем, покормлю тебя, нежная Баст...

Поэтическая страничка

Из испанского

В тихом сумраке ночей
Раздаются серенады...

А. Толстой

– Сеньора, сеньора, постойте!
Взгляните, — какие гранаты
В гранатовых рощах Гранады
Под жалящим солнцем растут!
Разрежьте, сеньора, раскройте
Румяны они, будто франты, —
Их любят надменные гранды,
И люди попроще берут...
Купите, сеньора, купите!
Ведь даже почтенной дуэнье,
За вами влачащейся тенью,
По нраву сей солнечный дар, —
Недорого, право, — берите!
Таких не найдете в Севилье...
Под цвет они вашей мантилье, —
Горят кожурою, как жар!
За щедрость, прекрасная донна,
Господь и святая Мадонна
На вас благодать изольют!
И пусть все идальго Гранады
В ночной тишине серенады
Под вашим балконом поют!

ВТОРОЙ ЦВЕТОЧНЫЙ СОНЕТ

В легендах и преданиях живут
Любимые создания природы, —
Цветы, что столько символов несут
И делят с нами счастье и невзгоды...
Вот Роза, что царица из цариц,
Воспетая поэтами Востока,
Сравнимая с красою женских лиц,
Любимица Аллаха и Пророка.
И Голистаном Персия звалась,
А Роза — Гюль еще во время оно...
Лакшми, супруга Вишну, родилась
Из розового нежного бутона...
Царица Роза, — в том сомнений нет, —
Пленяет мир уж много тысяч лет.

Поэтическая страничка

АХ, ЭТО МОРЕ ПОД ОДЕССОЙ...

Ах, это море под Одессой! —
В ночи мерцающая гладь
С дорожкой лунною, и мессой
Цикад хоральных... Что отдать
И вновь перелистнуть страницы —
Назад, на тридцать странных лет?
Увы, в руках одни синицы,
А журавлей в помине нет!
Полынью пахнет ночь, и медом,
Лепечет что-то легкий бриз...
Тепло душе, что год за годом
Не меркнет памяти каприз.

ИМЯ НЕПРИМИРИМОСТИ

Смотрят из космоса
Звёзды Марины и Анны,
Здесь, на Земле,
Их трагедии судеб туманны...

Варя Анненкова

Молох эпохи равняет различья
в топке забвенья...
Нет прегрешенья страшней безразличья —
Так, — без сомненья!
А у Марины извечная с Анной —
непримиримость,
Я нарекаю её Марианной —
необходимость!
Виолончель и капризная скрипка, —
жаль — не дуэтом...
И поэтессами звать их — ошибка! —
только — ПОЭТОМ!
Есть на Венере, в космической дали,
кратер Ваш, Анна!
Имя Марины найдем там едва ли... —
как это странно!..

